

INSPIRIA

ДЕВУШКИ

ИЗ

БЛУМСБЕРИ

НАТАЛИ ДЖЕННЕР

INSPIRIA

Novel. Актуальное историческое

Натали Дженнер
Девушки из Блумсбери

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дженнер Н.

Девушки из Блумсбери / Н. Дженнер — «Эксмо»,
2022 — (Novel. Актуальное историческое)

ISBN 978-5-04-192745-5

«Книги Блумсбери» – знаковый английский магазин, который в действительности существовал и сопротивлялся переменам в течение ста лет. Все это время им управляли мужчины, строго соблюдавшие свод правил генерального директора. Но в 1950 году мир меняется, в том числе мир книг и издательского дела. Книжный магазин объединяет трех героинь, каждая из которых хочет изменить свою жизнь, они находятся на перепутье, разрываясь между долгом и своими мечтами. Достаточно ли сильны их амбиции, смогут ли они обрести свой голос? В сюжете романа читателю встретятся реальные культурные и литературные деятели, представители богемы того времени: Дафна дю Морье, Эллен Даблдей, Соня Блэр (вдова Джорджа Оруэлла), Сэмюэль Беккет, Пегги Гуггенхайм. Если вы хотите погрузиться в мир литературной жизни 1950-х или представить себя героем фильма «Полночь в Париже» – эта книга для вас!

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-192745-5

© Дженнер Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	25
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Глава девятая	46
Глава десятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Натали Дженнер

Девушки из Блумсбери

Natalie Jenner

Bloomsbury Girls

Copyright © 2022 by Natalie Jenner. By arrangement with the Author. All rights reserved.

В оформлении форзаца и в коллаже на обложке использована фотография:

© Tata Chen / Shutterstock.com;

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© Iya Oktyabr / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Обаленская И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Моей дочери,
настоящей Эви,
— и —
в память
Малкита Лейла,
лучшего из мужчин.*

Жизнь, стоящая того, чтобы прожить ее, трудна... Это побочный продукт храброго жития, и он никогда не проявляется в ожидаемой форме, или в ожидаемое время, или в результате наших расчетов на него.

Кэтрин Энн Портер

Это чувство, когда все работали на, с или возле одних и тех же людей, было воплощением Лондона.

Адам Гопник

Худшая часть книжного магазина в том, что там будет либо все, либо ничего.

Нэнси Митфорд

В магазине

Эвелин Стоун — бывшая горничная и выпускница Кембриджа

Грейс Перкинс — секретарь главного управляющего

Герберт Даттон — главный управляющий

Вивьен Лоури — разочаровавшаяся сотрудница

Алек МакДоноу — руководитель отдела художественной литературы

Эшвин Рамасвами — руководитель отдела науки и естествознания

Фрэнк Аллен — руководитель отдела редких книг

мастер-мореход Саймон Скотт — руководитель отдела истории

Вне магазина

Фредрик Кристенсон — вице-мастер Колледжа Иисуса в Кембридже

лорд Баскин — владелец «Книг Блумсбери»

Эллен Даблдей – вдова американского издателя Нельсона Даблдея-ст.

леди Браунинг – английская аристократка и писательница

Соня Браунелл Блэр – вдова Джорджа Оруэлла

Мими Харрисон – кинозвезда

Сэмюэль Беккет – ирландский драматург

Пегги Гуггенхайм – американская наследница и коллекционерка

Стюарт Уэсли – научный ассистент вице-мастера Кристенсона

Ярдли Синклер – директор музейных услуг в «Сотбис»

Элси Мод Уэйкфилд – заместитель хранителя Гербария Кью

доктор Септимус Фисби – главный хранитель печатных книг Британского музея

Роберт Кинросс – младший научный сотрудник Колледжа Иисуса в Кембридже

Пролог

*Кембридж, Англия
19 декабря 1949 года*

Эви Стоун в одиночестве сидела в крошечной квартирке на северной оконечности Касл-стрит, настолько далеко от колледжей, насколько только мог жить студент, продолжая *посещать занятия* в Кембридже. Но Эви больше не была студенткой – ее дни в университете были сочтены. В течение следующих сорока минут должно было решиться, сколько именно ей оставалось.

Единственное окно в комнате было приоткрыто, чтобы впустить прохладный декабрьский воздух, готовый завибрировать от звона колокола в Большой церкви Св. Марии ровно в трех милях отсюда. Собеседование со старшим научным сотрудником Кристенсоном было назначено на двадцать минут после – ровно столько ей понадобится, чтобы дойти до Колледжа Иисуса. Эви всегда тщательно рассчитывала время на дорогу.

Кристенсон назначал встречи в двадцать минут – одна из многих его знаменитых странностей. Студенты в шутку называли это ВВК, или вредным временем по Кристенсону. Но и без гулких колоколов Большой церкви Святой Марии Эви смогла бы почти до секунды определить время. Она отточила этот навык, работая горничной в поместье Чотон, где два года втайне составляла каталог семейной библиотеки. Не имея часов, она ночами напролет перебирала все 2375 книг, страница за страницей. Эви теперь могла с расстояния в два фута оценить на глаз все – от издания эпохи Гутенберга до отпечатанного через копирку документа – и не только предсказать, сколько времени понадобится на то, чтобы кратко изложить содержание, но и быстро просмотреть каждую страницу. Эти умения она не афишировала. Она давно поняла важность быть недооцененной.

Мужчины с кафедры знали Эвелин Стоун как тихую, непритязательную, но поразительно решительную студентку из первого женского класса, которому было позволено получить в Кембридже степень. После трех лет изнуряющих занятий в женском Гиртон-колледже Эви за свои труды – включающие объемную работу о современнице Остен мадам де Сталь – получила диплом с отличием первой степени и стала одной из первых выпускниц за восемьсот лет истории университета.

Кристенсон был следующим препятствием.

Ему требовался научный ассистент на грядущий пасхальный семестр, и Эви подала бумаги раньше всех. Ей также больше всех требовалась работа. Выпустившись с отличием по английскому, она ассистировала младшему научному сотруднику Кинроссу в его многолетнем труде по аннотации романа Уильяма Мейкписа Теккерея «Ярмарка тщеславия». Но проект подошел к концу, и текущая стипендия Эви должна была иссякнуть с последним днем 1949 года. Став новым ассистентом Кристенсона, Эви смогла бы проводить бесчисленное количество времени за самостоятельным и безнадзорным исследованием сотни университетских библиотек – перспектива, которая на этой стадии академической карьеры казалась ей привлекательнее всего.

В ту же минуту, как начали бить колокола, Эви – уже одетая в зимнее пальто из плотной шерсти – встала, подхватила свой кожаный портфель и направилась к двери. Двадцать быстрых шагов вниз по улице, пять с половиной минут, прежде чем она прошла мимо «Замковой таверны», затем еще десять, пока не увидела изгиб реки Кем. Над рекой нависал мост Вздохов, готический и надменный. Каменное кружево переплетов в открытых окнах не позволяло студентам пробраться внутрь – студенческое баловство того рода, к которому Эви никогда бы не присоединилась. Или не была бы приглашена.

Колледж Иисуса, пункт назначения Эви, имел богатую историю, будучи основан в 1496 году на месте бывшего женского монастыря. Траву под ногами Эви веками не стригли, отображая ее историческую роль в качестве фуража. Во время Второй мировой войны размещенные под садами бетонные убежища защищали от немецких воздушных рейдов. Так средневековый университет стал нести шрамы современного существования вместе с плодами: всего несколькими годами позже студенткам Кембриджа наконец было позволено выпускаться.

Эви не думала обо всем этом, пересекая двор. Вместо этого ее мозг отсчитывал время по ритмичному хрусту покрытой изморозью лужайки под легко обутыми ногами. С каждым четким, размеренным шагом ударялся о бедро потрепанный кожаный портфель, оттянутый весом сложенного внутрь образца ее работы: почти сто страниц разбора индивидуальности и сопротивления в работах де Сталь, которые Эви не могла бы написать лучше, за что и получила высший балл из возможных. В портфеле также лежало рекомендательное письмо от младшего научного сотрудника Кинросса. Тут Эви могла бы справиться лучше, но не знала, что ей это нужно.

Мими Харрисон написала Эви в начале осени, ожидая, что той вскоре понадобится работа. Мими убеждала ее принять рекомендательное письмо от своего мужа, который недавно завершил трехлетнюю профессию в Колледже Иисуса и вернулся в Гарвард с новой женой.

– Но мы встречались только единожды, – возразила Эви Мими по телефону в общей гостиной внизу.

– Чепуха, – ответила Мими с ноткой снисхождения в голосе. – Когда я двадцать лет назад прибыла в Голливуд, у меня было только письмо от бывшего партнера отца по юридической практике, и до этого я с ним встречалась всего один раз. Кроме того, Джефффри отчаянно хочет помочь тебе.

– Но почему? Почем ему... я хотела сказать, он не... не знает меня, – Эви часто срывалась на чотонский говор, общаясь с Мими, дружба с которой корнями уходила во времена, проведенные ими вместе в маленькой деревне.

Мими засмеялась – в беседах с серьезной Эви она всегда старалась придерживаться легкого тона.

– Но он знает *меня*, и он знает, что я на глазок определяю хорошего человека.

Все же Эви отказалась. И все же Мими отправила письмо, как часто поступала с билетами в театр, на поезд и множеством других вещей, которые она пыталась подарить Эви на протяжении многих лет. Щедрость Мими Харрисон, знаменитой актрисы кино и театра, не знала границ.

Как не знала их гордость Эви. Поэтому сегодня она несла с собой рекомендацию профессора Кинросса. Кинросс за семестр раздавал множество подобных писем, но бедная Эви этого не знала. Она была крайне довольна, когда он предложил ей рекомендательное письмо. Она провела серьезную исследовательскую работу для его примечаний к «Ярмарке тщеславия», и он назвал ее способной и умелой. Конечно, для старшего научного сотрудника Кристенсона этого должно было хватить.

На часах было 2:22, и Эви чувствовала себя совсем крошечной, сидя в большом крутящемся кресле перед лицом всего своего будущего. Кристенсон опустил письмо Кинросса, похлопал по верхней из сотни страниц о де Сталь и вздохнул.

– Это исследование... сплошь малоизвестные писательницы. Даже де Сталь далеко до Джордж Эллиот.

Эви показался примечательным этот комментарий, притом что Кристенсон был широко известен своими познаниями о последней.

– В конце концов, сливки всегда поднимаются, не так ли? – он откинулся на стуле. – И совместная работа... по мистеру Теккерею...

Эви выпрямилась. Она особенно гордилась своими исследованиями для профессора Кинросса, которые выполняла вместе со Стюартом Уэсли, другим недавним выпускником. Кинросс хвалил ее за заметки и внушительный указатель, который она создала для поддержки его примечаний. Он советовал ей уделять оригинальным источникам столько времени, сколько возможно, часто подчеркивая, как критически важна аккуратность для всего проекта.

– Ваш коллега мистер Уэсли внес серьезный вклад, как я понимаю.

Эви еще сильнее выпрямилась.

– Мы оба внесли серьезный вклад.

Кристенсон замолк, щурясь как от ее скромности, так и от слишком знакомого рекомендательного письма перед ним. Кинросс ничуть не помогал своим студентам этими рутинными писульками.

– Да, что ж, я понимаю, что вы занимались исследованиями и прочим, но текст... – Кристенсон улыбнулся, так тепло и непривычно, что Эви внутренне насторожилась. – Как вы знаете, мне необходима определенная легкость в обращении с текстом, с, ах, с *языком*. – Последнее слово он произнес особенно отчетливо, почти с лишним слогом, и Эви тем сильнее ощутила собственный деревенский акцент, который, напротив, стремился к сокращению.

– Вы, возможно, не знаете, но с нового года я займу должность вице-мастера Болта. Останется меньше времени, чтобы писать самому, к сожалению. – Кристенсон взял в руки лежащие перед ним бумаги, легким ударом выровнял нижний край о промокашку на заваленном столе, затем вернул ей всю ее семестровую работу.

– Благодарю за потраченное время, мисс Стоун. – Он чуть кивнул в сторону закрытой двери кабинета, что было его знаком окончания разговора, и Эви быстро кивнула в ответ, прежде чем спешно уйти.

На обратном пути начал идти снег. Окна магазинов и пабов светились изнутри, и золотистое электрическое сияние мягко контрастировало с опускающейся тьмой ранней зимы. Но для Эви день был окончательно и пугающе завершен. Она не чувствовала, как на непокрытую голову и плечи ложатся снежинки, не замечала спешащих домой фигур с корзинами, полными выданных по карточкам продуктов, с намекающими на близкое Рождество свертками в коричневой бумаге под мышками. Вместо этого она потуже запахнула пальто, гадая, что только что произошло, проигрывая картины в голове раз за разом. Теперь она понимала, что упустила что-то, не только во время разговора с Кристенсоном, но и с Уэсли, и с Кинроссом, много раньше. Она чувствовала, как из замешательства начинает возникать чувство недоверия, и его внезапное – и запоздалое – появление беспокоило ее.

Эви знала, что эти три года работала усерднее любого другого студента. Ее оценки отображали это. Кристенсону никогда не найти ассистента лучше. И все же.

Она остановилась под окнами «Замковой таверны». Внутри виднелись студенты, смеющиеся и пьющие, сгрудившиеся вокруг разных столов, отмечающие последний день семестра и уже полным ходом идущие рождественские праздники. Она застыла на некоторое время, наблюдая за ними через стекло с ледяным узором, уверенная, что никто не заметит ее маленький размытый силуэт на фоне обсыпанной снегом ночи.

Когда Эви вернулась в свою квартиренту на самой северной оконечности Касл-стрит, на истертом ковре в нескольких футах от порога ее ждало еженедельное письмо от матери. Эви повесила кожаный портфель на предназначенный ему крючок на вешалке, на которой не было ничего, кроме ее верного черного зонта, и застыла бесцельно посреди гостиной, оглядываясь вокруг. Скоро придется начать собираться. Она понятия не имела куда.

Братьев разбросало далеко от дома, кроме младшего, Джимми, которому только исполнилось десять. Отца два года как не стало от инфекции в хромой правой ноге, которую он на неделю опоздал показать местному доктору. После этого семейную ферму продали, а мать

с Джимми переехали в маленький двухэтажный домик на главной улице деревни. Но Эви изо всех сил трудилась не для того, чтобы вернуться домой.

Она подошла к высокому комоду, верхние ящики которого превратила в своего рода картотеку, поскольку у нее было не так много одежды, чтобы занять его целиком. Она открыла первый ящик и посмотрела на «А», затем стала стремительно перебирать содержимое, каждую копию, каждый лист из записной книжки, каждую визитку и памфлет, которые хранились у нее на протяжении многих лет. Она никогда ничего не выкидывала.

Добравшись до «Ал», она нашла маленькую визитку некоего мистера Фрэнка Аллена, приобретателя редких книг из «Книг и Карт Блумсбери», Лэмбс-Кондюит, 40, Блумсбери, Лондон. Мистера Аллена Эви представил их общий знакомый Яртли Синклер во время исторической распродажи библиотеки поместья Чотон «Сотбис» осенью 1946-го. Вместе с Мими Харрисон, Яртли Синклер и Эви были основателями Общества Джейн Остен, которое приобрело библиотеку в попытке сохранить чотонский коттедж, где в свое время жила Остен. Во время аукциона Аллен сделал ставку и приобрел несколько книг XIX века для лондонского магазина, в котором работал. Будучи в то время заместителем директора по продажам вещей из частных коллекций в «Сотбис», Яртли с гордостью хвастался Эви перед всеми дельцами и агентами, присутствовавшими на распродаже. Она припоминала, как Аллен вскользь похвалил ее тщательно написанный от руки каталог, который Яртли также часто всем показывал.

Эви не отрывая глаз смотрела на выдавленные серебряные буквы на холодной белой карточке, пробегая по имени короткими пальцами в чернильных пятнах. Она слышала, как колокола Большой церкви Святой Марии отбили половину четвертого. Стоя там в шерстяном пальто, она чувствовала холодный сквозняк, забирающийся в комнату сквозь оставленное открытым окно. Портфель свисал со своего одинокого крючка, письмо от матери оставалось лежать неоткрытым на полу. Она вслушалась, как по-прежнему разносится эхом в голове «с я-зы-ком», затем глубоко вздохнула со всей твердостью и уверенностью, которые могла найти.

Она не поедет домой. Она не будет оглядываться.

Глава первая

Правило № 17

Чай должно исправно подавать четыре раза в день.

– Тиран зовет.

Грейс подняла глаза от своего стола в задней части магазина. Здесь она властвовала над всем тем, что сотрудники магазина называли *депешами*: стопками писем, запросов, рекламных объявлений, журналов, газет, визиток, каталогов, объявлений, приглашений и прочих мимо-летних бумажек, которые держали «Книги Блумсбери» в торговом контакте с окружающим миром.

Ее коллега Вивьен стояла в дверях, покачивая чайником в правой руке. Было утро понедельника, а в первый день недели Вивьен всегда была на одиннадцатичасовом дежурстве.

– А пробки опять выбило. – Она скорчила рожу. – Ты знаешь, что они не могут функционировать без чая. Тиран сегодня в особом *настроении*.

У Тирана было имя, но Вивьен отказывалась использовать его в частных разговорах, и Грейс часто замечала, что поступает так же – всего лишь один пример того, как она перенимала отношение Вивьен к работе. Грейс встала и сложила бумаги в аккуратную стопку перед собой.

– Если он когда-нибудь услышит, что ты его так зовешь...

– Он не сможет. Он не в состоянии услышать ничего, кроме звука собственного голоса.

Грейс покачала головой и проглотила усмешку. Они обе работали в магазине с конца войны, и дружба с Вивьен была весомой причиной оставаться. Она и еще зарплата, конечно. И тот факт, что безработный муж не мог корить ее за заработки. И время, проведенное вдали от требовательных мальчишек. И страх внезапных перемен. В итоге получалось, что причин, по которым она оставалась, было изрядно. Она не была полностью уверена, почему оставалась Вивьен.

– Даттон еще не пришел? – спросила Вивьен, кидая взгляд мимо Грейс на пустой кабинет позади.

Герберт Даттон, давно уже главный управляющий магазином, так и не получил от Вивьен прозвища, тем более ласкового. Его не было смысла ограничивать стереотипами, когда он прекрасно справлялся с этим сам.

– Он у врача.

– Снова?

Вивьен приподняла обе брови, но Грейс в ответ только пожала плечами. Будучи единственными сотрудницами женского пола в «Книгах Блумсбери», Грейс и Вивьен отточили искусство бессловесного диалога, часто общаясь исключительно поднятой бровью, оттянутой мочкой уха или едва заметным жестом рукой.

Вивьен устроила чайник на ближайшей картотеке, и женщины без слов направились в подвал. Когда они вместе шагали по коридорам магазина, одинаковый рост и подогнанная по фигуре одежда придавали им дух неукротимости, от которого шарахались все сотрудники-мужчины. Обе они были необычайно высоки ростом, хоть и разного телосложения. У Грейс были широкие плечи, не нуждавшиеся в столь модных дополнительных накладках, открытое, ненакрашенное лицо кровь с молоком – единственное, что досталось в наследство

от семьи, поколениями возделывавшей холмы Йоркшира. Она одевалась в простой манере, подчеркивающей рост: строгие линии военного кроя жакетов и юбки-карандаши с туфлями на низком каблуке для удобства ходьбы. Самой нежной ее чертой были спокойные серые глаза и тонкие каштановые волосы с одним только намеком на рыжину, которые она всегда аккуратно закалывала у основания шеи.

Вивьен, напротив, была угловатой и худощавой, подобно газели, и столь же склонной к порывистости от нервов или раздражения. Она предпочитала одеваться в облегающий монохромный черный – чаще всего в тесные шерстяные юбки и свитера, украшенные привлекающей взгляды аметистовой брошью Викторианской эпохи, единственным наследством от любимой бабушки. Лицо Вивьен всегда было накрашено драматично, даже угрожающе – в чем и был смысл: она производила впечатление абсолютного самоконтроля и тем самым успешно держала всех остальных на расстоянии.

На пути в подвал они прошли мимо стеклянных окон кабинета мистера Даттона, который был одновременно главным управляющим магазином и самым старым его сотрудником. Чтобы пробраться к задней лестнице, которую Вивьен называла *Via Inferno*¹, им нужно было протиснуться мимо высящихся коробок книг, которые ежедневно доставлялись от различных издателей, аукционов, обанкротившихся компаний и распродаж имущества по всей центральной Англии и вне ее пределов. Оборот магазина в среднем превышал пять сотен книг в неделю, поэтому требовалось достойное и частое пополнение товара из всех этих источников.

Неисправный электрощиток был в подсобном помещении, соседствующем с редко посещаемым Отделом науки и естествознания. Весь подвальный этаж был не по сезону теплым и влажным из-за негодной работы довоенного бойлера. Сквозь открытую дверь подсобного помещения Грейс и Вивьен были видны маленькие, в тонкой металлической оправе очки и безмятежный лоб мистера Эшвина Рамасвами, главы Научного отдела и его единственного сотрудника, – они виднелись над столом, где он всегда сидел за собственными стопками книг.

– Он сегодня хоть слово проронил? – почти прошептала Вивьен, и Грейс покачала головой. Мистер Рамасвами был печально известен тем, что держался в магазине наособицу, что сделать было нетрудно, учитывая, как редко его отдел видел посетителей. Подземная коллекция книг по биологии, химии и другим наукам находилась там по меньшей мере со времен Дарвина, но оставалась самой позабытой и наименее прибыльной в магазине.

Натуралист и энтомолог Эш Рамасвами будто бы не жалел о своем одиночестве. Вместо этого большую часть дня он проводил за организацией книг, к зависти прочих глав отделов, либо изучал через микроскоп слайды с насекомыми, хранившиеся в плоской деревянной коробке на его столе. Это были создания его родины, штата Мадрас на юго-востоке Индии. Покойный отец Эша, тамильский брахман, был высокопоставленным чиновником в британском колониальном правительстве, который всегда поощрял мысли сына о возможностях, которые предложила бы жизнь в Великобритании. Эш эмигрировал после войны в надежде получить должность в лондонском Музее естествознания. Будучи членом самой привилегированной касты на родине, он не был готов к открытому предубеждению к нему британцев. Не в состоянии добиться даже собеседования ни в одном из городских музеев, он в итоге оказался на работе в магазине.

– Ты сказала, настроение, – начала говорить Грейс, засунув голову в щиток и ковыряясь в нем.

– Хмм?

– Настроение. У Тирана. В чем опять дело?

– Дело в Маргарет Раннимид.

Грейс высунулась из щитка.

¹ Дорога в преисподнюю (иск. шт.).

– Новая книга вышла?

– Как она мельтешит здесь в день релиза, только чтобы он подарил ей этот нелепый букетик цветочков в пару к ее свежей цветистой писанине и озвучил все то, что она уже думает о себе. Это вызывает тошноту. Он хочет, чтобы все в магазине было для нее *идеально*.

Грейс приподняла бровь от этих слов.

– Это все, чего он хочет?

Вивьен издала звук отвращения.

– Он слишком много о себе думает. Как будто она снизойдет.

– Достаточно женщин находится. Чтобы заинтересоваться им, в смысле. – Грейс захлопнула дверь электрощитка и отряхнула руки. – Готово.

– О чем он прекрасно осведомлен.

– Что ж, нельзя его в полной мере за это винить. – Хотя Грейс сама не любила главу Художественной литературы, Вивьен выражала неприязнь в степени, которую Грейс считала лучшим приглушить для их общего блага.

Они вместе поднялись по лестнице, и перед тем как уйти Вивьен заглянула в кабинет Грейс за чайником. Через стеклянный разделитель в самой дальней части задней комнаты был виден луноликий мистер Даттон, сидящий без дела за своим столом, будто ожидая, как кто-то придет и даст ему указания, что делать. Над его головой слегка криво висел в рамке список из пятидесяти одного правила магазина, которые мистер Даттон написал сразу после назначения на пост главного управляющего почти двадцать лет назад.

– Одно печенье или два? – громко и официально спросила Вивьен, резко принимая рабочий вид, пока Грейс устраивалась на стуле, аккуратно расправляя складки юбки под ногами.

Грейс засомневалась. Ей было почти сорок, и в последнее время она стала замечать легкое увеличение объема бедер. Ее муж, Гордон, тоже это заметил. Он был не из тех, кто позволил бы чему-то подобному ускользнуть от внимания.

Она со вздохом подняла один палец. Вивьен, фыркнув, легким шагом удалилась обратно в кухню, широко размахивая чайником, будто надеясь, что по дороге он врежется во что-либо.

Грейс посмотрела по сторонам – на знакомые бумаги, на коробки с книгами, на счета за перевозку, которые еще не отпечатала. Бесплезно было бы начинать работу впрытик к назначенному часу. Поэтому она стала ждать.

Через несколько минут, ровно в 11 утра, она услышала, как из задней комнаты ее зовет мистер Даттон. Точно по расписанию.

– Мисс Перкинс, – объявил он в своей обычной формальной манере. Он всегда объединял обращение будто к старой деве с ее замужней фамилией, чтобы отметить необычный статус Грейс в качестве работающей матери. Это могло бы заставить Грейс чувствовать себя кинозвездой – *мисс Кроуфорд, мисс Хепберн*, – будь она чуть наивней.

Взяв записную книжку и карандаш, она снова поднялась и зашла в его кабинет через открытую дверь.

– Доброе утро, мистер Даттон. Все прошло удачно, надеюсь, – сказала она ласково, но утвердительно, зная, что он не станет прямо отвечать.

– Очаровательное утро, – сказал он с улыбкой настолько тонкой, что она была едва заметна на его широком лице. – Надеюсь, вы приятно провели Новый год.

– А вы?

Он кивнул.

– Могу я занять вас на секунду?

Грейс кивнула в ответ и взяла блокнот и карандаш на изготровку. Этот ритуал они проводили тысячу раз. Он прошелся по своему расписанию на день – только по своему, поскольку все остальные в магазине работали на обслуживании покупателей, – но встреча в 2:30 заставила его остановиться.

– Некто мисс Эвелин Стоун? – спросил он.

– Да, помните? Тот странный звонок прямо перед праздниками. Мистер Аллен сказал, что познакомился с ней через Ярдли Синклера, и вы согласились на собеседование.

Мистер Даттон неотрывно смотрел на Грейс. Она знала, что его память в последнее время стала сдавать, и снова напомнила ему.

– Вы сказали, что это формальность – из уважения к мистеру Синклеру. Как к крайне ценному покупателю.

Мистер Даттон постучал пальцем по имени в своем расписании, затем кивнул. Это был сигнал ей устроиться на стуле для записи надиктованных им писем.

Они добрались до седьмого письма, которое он завершил словами:

– «И хотя мы высоко ценим работу, которую сделала компания «Вывески Бродстрит» в области рекламы недавней успешной распродажи, с сожалением вынуждены в данный момент отказаться от вашего любезного предложения создания вывесок о конкурентных ценах. С глубочайшим уважением, ваш...»

Он замолк и пробежал пальцами по правой стороне лысеющей головы. У Грейс, должно быть, на лице появилось одно из ее *выражений*, как называл их Гордон.

– Да, мисс Перкинс?

– Просто, – ну, я все же полагаю, что витрина у нас в последнее время выглядит несколько потрепанно, а мы с Вив на той неделе прогулялись до «Фойлс» посмотреть, как у них дела, и должна сказать, они над своей прекрасно поработали.

Мистер Даттон наблюдал за ней с одним из своих выражений, будто шел по канату между ужасом и снисхождением. Такое выражение всегда появлялось на его округлом лице, когда бы она ни предложила что-то новое. Грейс подозревала, что главным страхом мистера Даттона, бо́льшим даже, чем проиграть «Фойлс», главному конкуренту магазина, было каким-то образом спастись от падения благодаря *ей*. Идеи Грейс по улучшению магазина как будто могли его только нервировать.

– И... ну... я подумала, с помощью подходящих вывесок, вроде тех, что делает «Бродстрит», которые свисали бы с потолка, чтобы не перекрывать вид с улицы, и с другими шкафами – без задних стенок, чтобы пропускать свет – мы могли бы рекламировать грядущую новогоднюю распродажу довольно эффективно.

Мистер Даттон продолжил смотреть на нее. Грейс работала в «Книгах Блумсбери» почти пять лет, и, насколько она знала, знак распродажи ни разу не помещался в главную витрину и, если уж на то пошло, где-то еще в магазине. Вместо этого персонал учили упоминать распродажу только украдкой, в самых сдержанных, элегантных намеках, будто даже самым помыслам о деньгах не было места среди книг.

– Также встает вопрос грядущего столетия этим летом, – продолжила Грейс перед лицом его молчания. – Никогда не рано начать праздновать. Мы с Вивьен думали о новом стенде: «*Сто лет книг*». Выборка лучших из каждого десятилетия.

Мистер Даттон был человеком привычки и правил, который, ввиду пугающей неопределенности будущего, отказывался тратить время или деньги заранее. Это было одним из многих различий между ним и его верной секретаршей, когда доходило до ведения дел.

– Благодарю, мисс Перкинс, – наконец ответил он с таким видом, будто ее предложения причинили ему физическую боль. – Пока это все.

Пока это действительно было все. Это будет все и на завтра, и на следующий день. Она вернется к перепечатыванию его избыточно длинных писем, организации множественных бумаг по алфавиту и подаче чая. Затем она пойдет домой и будет делать примерно то же для членов своей семьи.

Грейс посмотрела в коридор на Вивьен, которая стояла, опершись о кассовую стойку, и покачивала бедрами, когда что-то записывала в зеленую тетрадь на пружине и грызла кончик

карандаша. Вивьен была, по сути, в клетке за этой стойкой, ей только изредка позволялось выйти для помощи покупателям. Она, как и Грейс, пришла в магазин, когда мир только выступал из пепла войны. Жизнь тогда казалась полной возможностей и свободы, особенно для женщин, которые занимались делом, пока мужчины воевали вдали от дома. Таков был социальный контракт, заключенный, чтобы поддерживать их всех во время великой боли и жертв: от кого требовалось многое, те впоследствии многое получают.

Но прошлое имело привычку просачиваться через самые тонкие трещинки разбитого мира. Женщины, такие как Вивьен и Грейс, надеялись на свежий старт для всех, но пять лет спустя новые возможности для женщин, как и еда по карточкам, появлялись в ограниченном количестве. Люди во власти всегда будут цепляться за излишки, до самого горького конца.

Глава вторая

Правило № 12

В экстренных случаях необходимо строго следовать процедурам оказания первой помощи

Тираном был Алек МакДоноу, холостяк чуть за тридцать, который возглавлял Отделы новинок, художественной литературы и искусства на первом этаже «Книг Блумсбери». Он изучал литературу и изящные искусства в Бристольском университете и рассчитывал на карьеру в чем-то значительном – Вивьен обвиняла его в желании управлять небольшой колонией, – когда в его планы вмешалась война. Уволившись с почестями в 1945 году, Алек в тот же день, что и Вивьен, начал работать в магазине.

– Опередил на час. Как доминирующий близнец, – острила она всякий раз, когда Алек получал какую бы то ни было награду первым.

С самого начала Алек и Вивьен соперничали, и не только за владычество над Отделом художественной литературы. Каждый случайно заглянувший в магазин редактор, каждый выступающий с лекцией автор становился для них шансом получить доступ к правящим кругам издательского мира. Два втайне начинающих автора, оба прибыли в Лондон и поступили на работу в «Книги Блумсбери» только за этим. Но они были достаточно сообразительны, чтобы понимать, что управляющих магазином – от непреклонного мистера Даттона и руководящего в то время Художественной литературой Грэма Кингсли до беспокойного Фрэнка Аллена и сварливого мастера-морехода Скотта – необходимо было ублажать в первую очередь. И когда доходило до этого, у Алека было прямое и явное преимущество. Рассказы о военной службе, общих школах и прошлых победах в крикет быстро разуверили Вивьен в возможности повышения.

И конечно, всего за несколько недель Алек завоевал и давнего главного управляющего, Герберта Даттона, и его правую руку, Фрэнка Аллена. К 1948 году, после ухода на пенсию Грэма Кингсли, Алек возвысился до должности главы Отдела художественной литературы, а в течение года подгрел под себя Новинки и Искусство – достижение, которое Вивьен по-прежнему называла Аннексией.

Она первая стала звать его Тираном; он не звал ее никак. Претензии Вивьен к Алеку простирались от книг, которые оказывались на полках, до его склонности организовывать встречи исключительно с авторами-мужчинами, служившими в войну. Получив степень по литературе в Дареме (Кембридж, университет ее мечты, в 1941 году все еще отказывался выпускать женщин), Вивьен неукоснительно доносила свои взгляды на то, какого рода книги должен продавать Отдел художественной литературы. Неудивительно, что Алек спорил с этими взглядами.

– Но он даже не читает женщин, – жаловалась Вивьен Грейс, которая сочувственно кивала в ответ, пытаясь припомнить, какие должна купить продукты перед тем, как сесть на автобус до дома. – В смысле, ну – одна только Джейн Остен на полках? Ни Кэтрин Мэнсфилд. Ни Портер. Я прочитала тот рассказ Сэлинджера в «Нью-Йоркере», о котором он не затыкается: вперемешку контуженные солдаты и дети, и я не могу понять, что в *этом* такого мужественного.

В отличие от Вивьен, у Грейс было немного времени на чтение, и иронию этого ее муж часто отмечал. Но Грейс не ради книг работала в магазине. Она работала там, потому что

поездка до Блумсбери на автобусе занимала всего двадцать минут, она могла по пути отправить детей в школу, а после работы забрать газеты из магазина домой. Именно Грейс предложила продавать импортные журналы, в частности «Нью-Йоркер». Близость к Британскому музею и театральным кварталам обеспечивала «Книги Блумсбери» изрядным количеством состоятельных американских туристов. Грейс была убеждена, что такие домашние нотки увеличат время, которое они проведут в магазине, как и джаз по радио на кассе – одна из многих идей, которым мистер Даттон все еще умудрялся противостоять.

Вивьен и Алек более четырех лет вместе работали на первом этаже магазина, обходя друг друга по дуге за кассовой стойкой, подобно настороженным львам в небольшом коллизее. Квадратная, закрытая стойка размещалась по центру Отдела художественной литературы в попытке скрыть старый распределительный ящик, торчащий из пола. Мистер Даттон не мог взглянуть на него, не увидев заодно судебного иска о возмещении ущерба нечаянно споткнувшемуся о него покупателю. Сразу после повышения до должности главного управляющего в 1930-х Даттон сразу же наказал переместить кассу от входа и выстроить вокруг коробки.

Подобная конфигурация оказалась чрезвычайно полезной для сотрудников. Всегда можно было заметить покупателя, идущего с любой стороны, подготовить подходящий ответ на выражение, разнящееся от замешательства до враждебности, и даже заметить, как неоплаченная книга тайком кладется в сумку. Другие книжные обратили внимание на обстановку «Книг Блумсбери» и начали менять свою. В этом отношении вся округа была полна шпионов, и Грейс и Вивьен были не единственными сотрудниками магазина, ходящими посмотреть на чужие витрины. Лондон снова начинал расцветать после долгих пяти лет послевоенных лишений и восстановления, и новые книжные магазины росли как грибы после дождя. Блумсбери было домом Британскому музею, Лондонскому университету и многим знаменитым авторам прошлого и настоящего, включая довоенный круг Вирджинии Вулф, Е. М. Форстера и Литтона Стрейчи. Это сделало район особо привлекательным местом для читателей, авторов и покупателей.

Так что именно сюда чуть снежным днем второго января 1950 года прибыла юная Эви Стоун с визиткой мистера Аллена в одном кармане и билетом в одну сторону до Лондона – в другом.

Вивьен увидела ее первой.

Колокольчик на входной двери издал привычный короткий *дзинь*, когда поношенные женские ботинки задели за леску возле внутренней двери вестибюля. Алек МакДонау, сидящий на лестнице неподалеку, так же кратко поднял и опустил глаза.

Невысокая девушка без головного убора не обратила на него внимание. Вместо этого она не торопясь, медленно прошла мимо столов с художественной литературой возле входа. С каждой книгой, которой касалась, она делала три вещи: сперва почти восторженно проводила ладонью по обложке, затем задумчиво стучала по названию, а после осторожно поднимала обеими руками, чтобы кратко изучить содержание и оборот.

Вивьен перестала писать в тетради и теперь задумчиво пожевывала кончик карандаша, с интересом наблюдая за девушкой. У нее было неровно обрезанное каре и пронзительные темные глаза, пристально сосредоточенные на всем, что попадало в ее узкую область зрения. Она не казалась городской, но и не выглядела совсем чуждой.

Она методично пробиралась к кассе, пока Вивьен сутулилась в позе, которая крайне раздражала мистера Даттона. Когда девушка наконец дошла до кассы, Вивьен опустила карандаш.

– Здравствуйте.

Вивьен подняла правую бровь.

– Здравствуйте, – медленно ответила она и стала ждать.

Девушка положила правую руку в перчатке на край стойки и, будто в молчаливом заговоре, подтолкнула маленькую белую карточку.

Вивьен склонила голову набок, прежде чем взять карточку. На удивление, она принадлежала Фрэнку Аллену из Отдела редких книг.

– Я Эви Стоун, – в качестве объяснения сообщила девушка.

Вивьен изучила ее, зачарованная контрастом между простыми манерами и этим глубоким, пристальным взглядом.

– Я боюсь, мистер Аллен сегодня и завтра на распродаже частной коллекции. Надеюсь, вы не издалека приехали.

Девушка настойчиво покачала головой.

– Я *Эвелин* Стоун. К мистеру Даттону.

– Ааа, – радостно воскликнула Вивьен, и Алек обернулся со своей лестницы на редкое оживление в ее голосе. – Понятно. Вам назначено.

На этот раз Эви склонила голову набок, будто обеспокоенная тем, что никому не наказали ожидать ее.

– Пожалуйста, подождите здесь, а я схожу за ним.

Худощавая фигура Вивьен скользнула за небольшую створчатую дверь с обратной стороны стойки и дальше по длинному коридору, пока не исчезла в дальнем стеклянном кабинете. Затем Грейс высунула голову из того же кабинета, но сразу же сама пропала из виду. Несколькими секундами позднее Вивьен возникла снова, вышагивая по направлению к Эви, будто ничто на свете не могло заставить ее поторопиться.

– Нам так жаль, он действительно вас ожидает. Я покажу дорогу. – Вивьен дала девушке знак следовать за ней. – Позвольте взять ваше пальто?

Девушка отказалась от предложения, туже запахивая шерстяное пальто в немного нервной манере, которая показалась Вивьен очаровательной.

Передав девушку Грейс, Вивьен вернулась на свой пост за кассой, только чтобы обнаружить там Алека. Он опирался на стойку в той же непринужденной манере, за которую ее часто отчитывали. У мужчин мистера Даттона она будто не раздражала. В магазине от всех девушек требовалась элегантная осанка, а от мужчин приязнь и дружелюбие.

– Да? – резко спросила она.

– Что это была за странная малютка?

Вивьен вздохнула и взяла карандаш. Ей всегда приходилось смотреть на Алека снизу вверх, что она ненавидела. Никому нельзя быть таким высоким.

– Некая Эви Стоун на встречу с мистером Даттоном, если тебе надо знать.

– И чего ради?

Вивьен положила карандаш и раздраженно фыркнула.

– Ради работы, судя по всему. Грейс сказала, ее рекомендовал Яртли Синклер. Директор музейных услуг, в «Сотбис». Тебе хватит громких имен?

Алек в ответ так же усмехнулся.

– Конечно, не для работы за кассой, полагаю. Кажется, ей не больше шестнадцати, если и столько есть.

– Не беспокойся, Алек. Уверена, у нее нет никакого интереса к твоему *доминиону*.

Алек приготовился сказать что-то в ответ, когда раздался странный крик. Каждая голова в магазине взлетела над книгой, а Алек встревоженно схватил Вивьен за руку.

– Боже мой! – воскликнул Алек. – Это Грейс?

Он бежал стойку, чтобы распахнуть дверь для Вивьен, прежде чем они бегом пустились по коридору. Там у дверей кабинета главного управляющего они нашли Грейс – застывшей на месте с прижатой ко рту рукой.

Внутри мистер Даттон лежал на полу с одеревеневшими лицом и телом.

– Что еще за... – Алек направился было к управляющему, но Эви подняла левую руку, чтобы остановить его.

В тот же миг мистер Даттон начал биться в конвульсиях. Его руки и ноги буйно дергались.

– Вызовите «Скорую помощь», – спокойно велела Эви Грейс, одновременно ослабляя его галстук. – И держитесь в стороне.

Грейс просто стояла там в дверях вместе с Алеком и Вивьен – все трое были ошеломлены видом тела, корчащегося на потертом ковре у их ног.

– Сейчас же! – рявкнула Эви.

Грейс наконец в панике подскочила и бросилась к телефону на столе, пока Алек, маячащий за Вивьен в проходе, воскликнул:

– Засуньте что-нибудь... что-нибудь ему в рот – книгу или...

Девушка покачала головой.

– Нет, – твердо ответила она. – Просто держитесь в стороне. – Она огляделась и кивнула на крупный антикварный стол, за которым мистер Даттон просматривал постоянный поток корреспонденции. – И отодвиньте стол. Сейчас же! Пока он не ударился!

Алек вышел вперед и с силой толкнул угол стола как раз тогда, когда Грейс положила трубку.

– Бедный... они в дороге. Как... как вы...

Девушка подняла левую руку, чтобы утихомирить Грейс. Трое работников магазина могли лишь стоять и беспомощно наблюдать, как Эви положила правую ладонь на его грудь.

– Сердцебиение довольно слабое.

– Грейс, – сказал Ален, – он что-нибудь говорил тебе? Что угодно? Ты об этом знала?

Грейс покачала головой. Дрожащая ладонь застыла над ее ртом.

– Он только что был у врача, это все, что я знаю. Подождите... – Она открыла верхний ящик его стола и зашарила внутри, затем подбежала к вешалке для пальто и засунула руки в карманы его тренча. – Ох, подождите, что-то есть...

Она подняла маленькую баночку с таблетками так, чтобы всем было видно.

– Фенитоин, – вслух прочитала она.

– Позовите Эша! – воскликнула Вивьен. – У него есть медицинский словарь!

Алек удивленно взглянул на нее, затем стремительно бросился к задней лестнице.

– Конвульсии прекратились, – вдруг объявила Эви.

Все трое наблюдали, как круглые глаза мистера Даттона начали моргать, а затем расслабилось и остальное лицо.

Алек вернулся с Эшем Рамасвами, у которого в руках был толстый медицинский словарь.

– Это фенитоин – от эпилепсии – верно, мисс? – спросил он Эви. – Слабое сердцебиение?

Эви так открыто уставилась на Эша, что все в комнате вдруг почувствовали неловкость. Вивьен задумалась, видела ли Эви людей из Индии прежде, и тут же ощутила прилив странного стыда за самую такую мысль.

– Да, довольно слабое, – наконец ответила Эви, но Эш как будто не заметил ее нерешительности и покрасневших щек. Вместо этого он казался так же ошарашенным ее присутствием.

– Тогда положите что-нибудь под его голову, мисс, чтобы выровнять позвоночник и челюсть.

Они неотрывно смотрели, как Эви спешно сняла свой синий вязанный кардиган и осторожно подложила под голову медленно приходящего в сознание мистера Даттона.

– Ничего страшного, сэр, это всего лишь небольшой приступ. – Эви протянула руку и похлопала его по ладони, словно пытаясь утешить маленькое животное или ребенка, что как будто только усилило унижение Даттона от его состояния.

Все с облегчением наблюдали, как Эви помогает мистеру Даттону приподняться на правом локте.

– Ваше сердцебиение ослабло, сэр. Пожалуйста, не двигайтесь, – призвала его Эви.

Услышав незнакомый голос, ословелый мистер Даттон обернулся и увидел, что позади на коленях сидит пришедшая на интервью девушка.

– Мне страшно жаль. Как ужасно. Как ужасно для всех вас вышло.

Впервые для всех присутствующих Эви улыбнулась.

– Не переживайте обо мне, сэр.

– Да, – заговорила из прохода Вивьен. Она не спускала глаз с магазина, и как раз в этот момент прозвенел колокольчик, объявляя о появлении сотрудников «Скорой помощи». – Мисс Стоун определенно справилась лучше нас всех.

Вивьен отошла в сторону, когда двое санитаров пронесли по коридору с носилками и начали укладывать на них мистера Даттона, все еще лежащего на полу. Алек вернулся в зал, чтобы обслужить немногих покупателей, Эш вернулся в подвал, а Вивьен, Грейс и Эви остались одни в приемной.

Сообразив, какой трудной должна была быть вся эта ситуация для их посетительницы, Грейс как раз приготовилась спросить, не стоит ли ей налить Эви чашку чая, когда на ведущей наверх лестнице, которую Вивьен глумливо называла *Via Dolorosa*², раздался раскатистый голос:

– Что это, черт возьми, за шум?

² Дорога скорби (*иск. ит.*).

Глава третья

Правило № 44

Главный управляющий обладает исключительным правом на свое усмотрение нанимать, продвигать по службе и увольнять сотрудников.

У подножия лестницы стоял мужчина хорошо за шестьдесят в пиджаке с россыпью военно-морских значков на обоих лацканах.

– У мистера Даттона был какой-то припадок, – объяснила Грейс, кивая на его кабинет. Сквозь проход было видно, как двое санитаров «Скорой» стоят на коленях рядом с главным управляющим и помогают ему устроиться сидя, опираясь на одну из ножек стола.

– *Припадок?* – практически выплюнул пожилой мужчина. – Какой еще припадок?

– Скорее всего, эпилептический, – ответила Эви.

Подняв взгляд над кромкой своих очков для чтения, мужчина наконец обратил внимание на невысокую фигуру, стоящую между довольно высоких для женщин Грейс и Вивьен.

– *А ты кто такая?* – опять прогрохотал он.

Грейс сделала небольшой шаг вперед.

– Это мисс Эвелин Стоун. Рекомендована на работу мистеру Даттону мистером Синклером. Мистер Ярдли Синклер, из «Сотбис». Директор музейных услуг.

Мужчина пренебрежительно фыркнул.

– Не в мой отдел, вот уж нет. Второй этаж – не место для девчонки.

Вивьен отчетливо вздохнула. Она привыкла к подобному отторжению от мужчин в магазине. Алек не позволит юной девушке остаться на основном этаже, мастер-мореход Скотт не пустит ее на второй.

– А может, она и не интересуется пыльными старыми картами, а? – с вызовом в голосе спросила его Вивьен. – Ее кто-нибудь догадался спросить?

Вивьен оставалась единственной в магазине, кто не выказывал страха перед мастером-мореходом Скоттом, несмотря на его частые взрывы. Она была почти уверена, что под сварливой внешностью скрывался мужчина, который любил женщин, особенно привлекательных, и выстроил от них защитную стену, чтобы защитить свое эго. Вивьен описывала ровно такого персонажа в своем романе – том, который она втайне от всех писала в зеленой тетради на пружинке.

Мастер-мореход Скотт, казалось, был готов в той же манере ответить на слова Вивьен, но что-то в ее агрессии заставило его передумать.

– Она все равно кажется слишком мелкой, чтобы на что-то сгодиться. – Он обернулся к Грейс. – Припадок или нет, сейчас время чая, – угрюмо добавил он.

– Одно печенье или два? – спросила Грейс в привычной избыточно уважительной манере, в искренности которой мужчины в магазине начали в последнее время серьезно сомневаться.

– Два, – рявкнул он и исчез на лестнице.

– Вы, верно, гадаете, кто это был, – извинительным тоном сказала Грейс Эви.

Стоящая рядом Вивьен засмеялась.

– О, я думаю, его наряд все объяснил.

Грейс заглянула в кабинет, где два санитар уже складывали свои вещи. К ее облегчению, мистер Даттон уже снова сидел за столом с ручкой в руке, пытаясь сделать вид, будто в последние минуты ничего не случилось.

– Это был мастер-мореход Саймон Скотт, – продолжила Грейс. – Сражался в Битве за Дуврский пролив во время Великой войны и, к собственной величайшей горести, отсиделся во время Второй. Он управляет вторым этажом: история, путешествия, топография, генеалогия. Но в основном военно-морская и военная история.

– Я не большой любитель картографии, – ответила Эви.

Вивьен похлопала ее по спине.

– Повезло. А чем интересуешься? В книжном плане, в смысле.

Эви подняла глаза на лестницу.

– Редкостями.

Возникшие из задней комнаты санитары прошли мимо трех выстроившихся в ряд женщин и пронесли пустые носилки по коридору. Из кабинета донесся звук легкого покашливания – Грейс знала, что это был знак от мистера Даттона ей и Эви вернуться к нему.

– Сердечный ритм стабилизировался, – первый санитар, оживленный молодой человек, остановился, чтобы уведомить Грейс. – Скорее всего, это реакция на новое лекарство.

– Тогда дело не в эпилепсии? – спросила Вивьен.

Мужчина обернулся к ней и одобительно оглядел сверху донизу.

– Нет, мисс, одно вызвало другое. Вы разве не знали, что он эпилептик?

Обе женщины покачали головами, а стоящая между ними Эви так и осталась незамеченной.

– Что ж, кто бы о нем ни позаботился, он сделал все как положено.

Грейс отступила в сторону и показала на Эви, и санитар наклонился, чтобы хорошенько ее рассмотреть.

– Как я понимаю, вы проходили собеседование, когда это случилось.

Эви кивнула.

– Что ж, – он выпрямился и подмигнул Вивьен и Грейс, – после всей этой суматохи им бы стоило как минимум взять вас на работу.

Эви снова оказалась в кресле для посетителей напротив стола мистера Даттона. Он что-то записывал для Грейс, которая по-прежнему стояла в дверях.

Эви оглядела кабинет, пока мистер Даттон усердно сочинял письмо. Она отметила застекленный шкаф со старыми книгами, который стоял рядом с несколькими архивными шкафами, картотекой, о которой она могла только мечтать. На стенах висели какого-то коммерческого рода сертификаты за успех в продаже книг, кубок за крикет давних, еще гимназических времен, фотография с персоналом магазина на пикнике на пляже и другая – сурового вида женщины постарше с такими же круглыми чертами лица, как у мистера Даттона. Но самым выдающимся был список правил магазина в рамке, что висел высоко на стене за столом.

Эви казалось, что вся жизнь мистера Даттона заключалась в стенах «Книг Блумсбери». Прежде чем свалиться на пол, он рассказывал ей, что поступил на работу мальчиком-доставщиком. Он работал по выходным, пока учился в университете, а затем, провалив экзамен на госслужбу, стал постоянным сотрудником. Это было сразу после Великой войны, для участия в которой мистер Даттон был слишком молод. К 1930-м он дослужился до главного управляющего «Книг и Карт Блумсбери», когда и нанял Фрэнка Аллена – теперь главу Отдела редких книг – помощником закупщика. Они оставались старейшими сотрудниками магазина.

Затем мистер Даттон рассказал ей историю магазина. Эви не совсем понимала зачем. Ей больше всего хотелось узнать о коллекции антиквариата на третьем этаже, который, как она знала теперь, был счастливо отделен перекрытиями от владычества мастера-судохода Скотта.

Сложив лист бумаги, на котором писал, мистер Даттон протянул его Грейс.

– Вы должны отослать это мистеру Аллену. Сегодня и завтра утром он будет в Топпингсе, но он должен быть в курсе, если я... – Его голос затих, когда Грейс осторожно взяла у него записку.

– Мистер Даттон, прошу, не перетруждайтесь. Я всем займусь. Уверена, мисс Стоун тоже не помешало бы перевести дух.

Эви приветливо покачала головой:

– Нет, мэм.

– Мне ужасно жаль, – встрял мистер Даттон. – Я даже не поблагодарил вас. Мне рассказали, что вы сделали. Откуда вы знали?

Эви пожала плечами, вспоминая обо всех приступах, что были у отца после первого инфаркта. Здоровье мистера Стоуна так никогда и не поправилось после аварии трактора на их семейной ферме. Одна за другой разные части его тела просто начали отказывать и разваливаться. Это стало тяжелым уроком для семьи – что беда может прийти не одна.

– Учишься всему, если приходится.

– И вам пришлось узнать о редких книгах? – прямо спросил мистер Даттон.

– В каком-то роде, ага – да.

– И вы хотите продавать их, теперь, после всей учебы?

– Нет, совсем не хочу.

Мистер Даттон и Грейс непонимающе переглянулись.

– Я хочу каталогизировать их.

Мистер Даттон откинулся на стуле, и в тускнеющем послеобеденном свете обе женщины могли разглядеть маленькие бисеринки пота, оставшиеся на его лбу после недавно пережитого.

– Грейс, письмо. – Он не отрывал от нее глаз, пока Грейс, опомнившись, не кивнула и не вышла.

– С чего вы взяли, что они нуждаются в каталогизировании? – повернулся он с вопросом к Эви.

– Что ж, они всегда в нем нуждаются, в каком-то смысле. Все меняется. Происхождение, редкость, ценность. Что-то всегда происходит и меняет будущее для старой книги.

Теперь мистер Даттон смотрел на нее. Эви знала, что имеет привычку говорить о книгах как о живых существах. Живых и изменчивых, как сами люди.

– Ваши академические отметки безупречны. Удивительно, что вы готовы остановиться на работе в магазине. – Мистер Даттон слабо улыбнулся. – Хотя и сам грешен.

Бывшая горничная и дородный главный управляющий оказались странно похожи друг на друга, вдобавок к их компульсивной натуре и сильному чувству долга. Вся жизнь мистера Даттона была отображена на четырех небольших стенах кабинета; Эви была известна тем, что свою приязнь оставляла мертвым авторам, а отношения выстраивала по социальному принуждению. Она обожала свою школьную учительницу Аделину Грей и бывшую хозяйку Франсес Найт. Даже Кинроссу она верила, как оказалось, чересчур.

Сидя там, Эви чувствовала, как уже теплеет к болезненному пожилому мужчине, который, несмотря на бледность и усталость, пытается мужественно продолжать работу, ровно так же, как попыталась бы она.

– Сэр, возможно, мне стоит вернуться в другой день...

– Боюсь, другого дня не будет. – Увидев ее встревоженное лицо, он поднял в успокаивающем жесте руку. – Простите великодушно, мисс Стоун. Я просто имел в виду, что мне советовали немного отдохнуть. Не меньше нескольких недель, кажется. Я сообщу об этом сотрудникам завтра утром. Это повлечет за собой некоторые изменения, и, боюсь, не всем они придутся по вкусу.

Эви почему-то сразу поняла, что он говорит о Вивьен и Грейс.

– Наш руководитель Отдела редких книг, мистер Аллен, был моей правой рукой почти два десятилетия, и мы всегда действовали по-партнерски. Но, как вы знаете, он сейчас находится по делам далеко на севере, и я не могу ожидать, что он будет доступен до завтра. Грядущие, э, изменения будут значимее всего именно для мистера Аллена. Ему понадобится... – здесь мистер Даттон замолк так надолго, что Эви начала переживать, не начался ли у него новый приступ, – ему понадобится в отделе усиление. Всему персоналу понадобится.

Эви тихонько сидела, вспоминая недавнюю встречу со старшим научным сотрудником Кристенсоном и как она не сообразила вовремя, не постояла за себя перед лицом его предпочтения Стюарта Уэсли. Не сделала, что должно, чтобы получить работу.

– Я могу помочь любым образом, – сказала она. – Не только с редкими книгами, как я говорила. Просто... с чем понадобится.

Это были слова, услышать которые мистер Даттон всегда хотел сильнее всего. Он искал полнейшей преданности и послушания у сотрудников. Он написал пятьдесят одно правило, которые были выставлены на самом видном месте кабинета, чтобы увериться, что его голос – отеческий, авторитетный, божественный, если понадобится, – неизменно был в ушах подчиненных. Ничто не могло пойти не так – верил он, – если только все будут следовать правилам.

Глава четвертая

Правило № 14

Время ухода сотрудников зависит от ежедневных нужд и достижений.

Грейс Перкинс и Вивьен Лоури в этот суматошный день ушли вместе ровно в 5:30, как и каждый рабочий день за последние четыре года. Что бы ни произошло, пусть даже управленческое падение, персонал всегда следовал расписанию.

Джентльмены могли часы заводить по тому, как Грейс подходила к кассе с перекинутой через левую руку простой черной сумкой и элегантно сложенными ладонями. Вивьен тут же бросала свои занятия, чтобы схватить собственную черную сумку. Они вместе выходили и шли напрямик на автобусную остановку на Рассел-сквер. Первую часть пути до дома они сетовали друг другу на события дня и крепились относительно дня грядущего, радуясь, что находятся вдали от ушей руководящих ими мужчин. В Камден-тауне Вивьен всегда сходила с автобуса и пересеживалась на железнодорожную ветку Хакни. Она могла бы ехать до дома от Блумсбери напрямик, но сэкономленное время было менее привлекательным, чем время, потраченное на то, чтобы высказать свои жалобы Грейс.

Сегодня, однако, они были странно молчаливы, пока сидели на соседних креслах. Грейс смотрела из окна на вечернее небо, чья темнота прерывалась кляксами уличных ламп и зажженных окон. Ночь скрывала грязь и тени, отброшенные дымом, что висел над Лондоном извечным облаком, что будто отображало народное настроение.

Автобус до Камден-тауна медленно полз на север, проезжая мимо Рассел, а затем и Тэвисток-сквер. Границы этих идеально геометричных парков были отмечены зданиями со всякого рода государственными службами: больницами, университетами, Британским музеем и даже бывшим местом расположения министерства информации Джорджа Оруэлла, где работал во время войны муж Грейс.

Она почувствовала, как Вивьен хлопала ее по левой руке, и обернулась.

– Говорят, Оруэлл умирает, прямо там, в Университетском госпитале. Подслушала в магазине, как об этом говорил один из редакторов «Секер и Уорбург».

Грейс вздохнула, вспомнив об их собственном больном.

– Бедный мистер Даттон. Он, должно быть, в ужасе, что все его видели в таком состоянии. Интересно, что скажет доктор.

– Что бы ни сказал, Даттон точно не будет слушать.

– Может, он нас удивит.

Вивьен пренебрежительно фыркнула.

– Ну, ему бы все равно стоило отдохнуть. В январе всегда особо нечего делать.

– Он мог бы нанять ту девушку, Эви. Люблю, когда подтверждается, что я ошибаюсь в отношении человека.

Теперь фыркнула Грейс, и не менее пренебрежительно.

– Вовсе *не* любишь.

– Пожалуй, не люблю.

– И все же было бы неплохо, пояись в магазине еще одна девушка.

– Да, тебя же окружают мужчины. – Вивьен заколебалась. – Праздники нормально прошли?

Грейс быстро улыбнулась.

– Моя мать избаловала мальчиков.

– А Гордон? Хотя, полагаю, ты и так его балуешь.

Грейс чувствовала внимательный взгляд Вивьен.

– Что до мужчин в магазине, – сказала она вместо ответа, – разумнее было бы Эви поставить на третий этаж, а Фрэнку позволить рулить всем, пока не вернется мистер Даттон.

– Ты все продумала. Как всегда. – Вивьен подмигнула, затем встала, чтобы выйти на своей остановке. – Нас они точно не повысят.

Когда Вивьен сошла с автобуса, Грейс незаметно положила сумочку на сиденье рядом, надеясь на покой и тишину перед возвращением домой.

Хотела ли Грейс вообще идти домой? Сам факт этого вопроса годами беспокоил ее.

Ее муж, Гордон, был сложным человеком, для подгонки под непредсказуемые смены настроения которого всю повседневную жизнь приходилось безрадостно резать на кусочки. И все стало только хуже после войны, когда, служа в отделе пропаганды с сотнями высокообразованных сотрудников, он нашел еще больше людей, на которых можно жаловаться. Грейс и Гордон встретились еще в 1937 году, когда ее взяли секретарем в компанию перестрахования, где он был менеджером среднего звена. В двадцать семь, в мечтах о детях, Грейс уже начала бояться, что останется старой девой (страх, в котором она сомневалась теперь при виде более молодых и современных женщин вроде Вивьен, которые практически наслаждались своим незамужним статусом), и согласилась выйти за Гордона всего после нескольких месяцев свиданий. Гордон, сам приближавшийся к сорока, казалось, не стремился тянуть, – как Грейс узнала позже, исключительно из-за постоянного давления Мамы Перкинс, а вовсе не страсти к ней. Первый сын появился на свет годом позже, второй еще быстрее. А затем началась война, и все в семье резко замерло.

Гордон долгие часы проводил за работой, говорить о которой не мог, а Грейс вынуждена была растить обоих мальчиков практически одна. Они все больше раздражались от ее постоянных переживаний: о бомбах, что без разбору сыпались на округу, об окопе, который прокопали неподалеку в Кенте, чтобы отразить возможное вторжение, о мужчинах, что отправились в Европу и никогда не вернулись. Она благодарила Бога за то, что, будь его милость, ее мальчикам никогда не придется участвовать в подобной войне, тогда как они в детской наивности открыто ненавидели тот же самый факт.

Когда война завершилась, позиция жертвы у Гордона никуда не делась. Его настроение лишь омрачилось, когда посветлели небеса над Англией, и Грейс большую часть усилий тратила на попытки удержать его от того, чтобы не взрываться на нее или мальчиков. Или на подтекающую дождевую бочку. Или на молочника, который прошел слишком близко от розовой клумбы Гордона. Или на тысячу других вещей, которые, по мнению Гордона, плели против него заговор. Если бы только все и вся вели себя как *должно*, тогда и он бы мог быть счастлив. Неужто он просил слишком многого?

Конечно, да, но Грейс никогда не озвучивала эти мысли, потому что это было бы нахально и черство – два ее качества, против которых Гордон боролся сильнее всего. Взгляд Грейс на мир категорически отличался от взгляда мужа. Если бы она могла дать хоть какой-то романтический совет, она бы сказала: нужно искать человека, который разделяет твои страхи, любопытство и веселье.

Любое нахальство она научилась при Гордоне подавлять, но Грейс никогда не считала себя черстовой. Она просто не считала, что мироздание кому-то что-то должно. Жизнь была по-своему трудна для всех – ей самой можно было бы позавидовать за то, что у нее была семья у очага и крыша над головой, и никто бы не догадался, что порой ей хотелось остаться в автобусе и никогда с него не сходить.

Безразличие к собственной жизни смущало ее, потому что она любила своих сыновей, теперь десяти и одиннадцати лет, любила больше всего на свете. Она любила их загорелые на солнце, все в полосках, тела летом и беспокойные ноги, что вечно спрыгивали со всякого рода прикованных тяготением к земле вещей: перевернутых диванов, жестяной крыши сарая Гордона позади дома, узловатого старого ореха на лужайке перед ним. Как загорались их лица, когда она заваривала им солодовое молоко перед сном зимой, и теплые лбы, к которым прикасалась губами, желая хороших снов. Но ей казалось, что она представляет только начало и конец их дней. Что еще хуже, для Гордона она была дырой в центре, источником разочарования и горечи, человеком, который – если бы только она была достаточно доброй, достаточно любящей – мог бы все для них исправить, а вместо этого всячески отказывался. Как ни старался, он никак не мог понять почему: *почему* она все время хотела сделать его несчастным.

Например, поступив на работу в книжный магазин. Ближе к концу войны Гордона отправили на лечение. *Нервное истощение* – такова была официальная причина, но он утверждал, что из него просто выжимали все соки. Ему назначили недельную пенсию, которая едва покрывала траты на продукты, и к 1946 году его жена начала впадать в отчаяние, особенно когда послевоенные цены начали взлетать.

Однажды утром Грейс отправилась в Камден-таун за покупками. И когда автобус приблизился к ряду мясных, рыбных и овощных лавок, она импульсивно решила не сходить с него. Двухэтажный автобус следом направился к станциям «Кингс-кросс» и «Сент-Панкрас», все глубже и глубже забираясь в Вест-энд, дальше, чем Грейс когда-либо приходилось бывать. Она сидела на самом переднем ряду второго этажа, сквозь прозрачное, не закрытое сеткой стекло разглядывая, как весь Лондон бурлит внизу. Она думала о книге, которую читала мальчикам перед сном, – «Двадцать тысяч лье под водой» Жюль Верна, и в момент редкой прихоти, подходившей к ее вдруг импульсивному настроению, Грейс могла представить себя в кабине футуристической субмарины, в изгнании исследующей море, вдали от всех, за кого вынуждена нести ответственность.

Когда автобус достиг Блумсбери, Грейс узнала название Грейт-Ормонд-стрит, потому что на ней находилась детская больница, которой писатель Дж. М. Барри передал права на «Питера Пэна», другую любимую ее сыновьями книгу. Автобус продолжил пыхтеть по все более узким улицам, а Грейс решила сойти и погулять по округе. Так она и оказалась впервые на тихой мощеной улочке под названием Лэмбс-Конduit, которая протянулась между более людными Гилфорд-стрит на севере и Теобальдс-роуд на юге. С георгианских времен эта улица и семьдесят восемь заведений на ней были прибежищем всякого сорта привлекательных магазинов, от кондитерских, сырных и винных до ювелирных, книжных и как минимум двух конкурирующих магазинов игрушек.

Грейс порадовала себя утренней булочкой и кружкой дымящегося черного кофе в палатке на углу поблизости и стала бесцельно прогуливаться, позволяя кофе обжигать кончик языка, но все равно продолжая его пить. Усевшись, наконец, на кованую лавочку, она обнаружила прямо напротив объявление, помещенное на уровне глаз в витрине книжного магазина.

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ

Взрослая, ответственная и усердная дама-секретарь для ведения административных дел и поддержки главного управляющего. Владение стенографией Питмана и скорость печати 100 слов в мин. обязательны. Дополнительная информация доступна внутри.

Сам магазин представлял собой именно то, за чем туристы ехали в Лондон. Наружные деревянные панели были выкрашены в насыщенный синий цвет, на уровне улицы располагалась изогнутая витрина и два ряда симметричных георгианских окон над ней, а в веерообразное викторианское окошко над дверью был вставлен витраж с восходящим солнцем. Един-

ственным указателем, кроме объявления о поиске сотрудника, были слова «Книги и Карты Блумсбери», растянутые золотом по всей длине магазина, от двери слева до дальнего края витрины.

Книги в витрине, которые привлекали взгляды большинства прохожих, Грейс особо не заинтересовали. Ей нравилось читать, но более всего ей нравились деньги – или, вернее, как меньшее их количество превратить в большее. Находчивая и разумная женщина, Грейс хорошо подходила для своей роли главного хранителя семьи. Она всегда ценила экономику управления домашним хозяйством и стремление повторно использовать все, что можно: сохранять остатки еды для завтрашнего ужина, банку с пуговицами, клубок разных ниток. Грейс твердо верила в возможность выжать все из доступного. Единственным, что не поддавалось ее предприимчивому духу, был список продуктов для семьи: поскольку талоны все еще были в ходу, питание семьи Перкинс редко отличалось от стандартных мяса, овощей и одного яйца в месяц на каждого.

Ровно в тот момент довольно приятный на внешность мужчина схожего с Грейс возраста остановился прямо перед ней и принялся что-то искать в портфеле, бормоча себе под нос. Осознав, что загораживает ей вид на витрину книжного, он отступил назад.

– Ох, простите великодушно, я вам мешаю?

Грейс подняла на него глаза, чтобы вежливо улыбнуться и покачать головой, – но кофе от движения пролился из кружки на подол ее твидовой юбки-карандаша.

– Ох, боже, – с беспокойством сказал мужчина. Доставая идеально отглаженный платок из переднего кармана пиджака, он уронил ключ, который наконец-то нашел, и только и мог, что беспомощно наблюдать, как тот отскочил под лавку, на которой сидела Грейс.

Она отставила руку с кружкой в сторону и инстинктивно наклонилась, чтобы достать ключ, и они оба улыбнулись, когда их головы едва не столкнулись.

– Довольно неуклюжая из нас пара, – сказал мужчина в самой элегантной манере. Грейс сразу же прониклась к нему симпатией – он, казалось, больше всего стремился к тому, чтобы не потревожить ее. Чем больше он сердился на себя, тем любезнее был к ней. Прямая противоположность Гордону, которого она тоже когда-то считала элегантным, в стиле Шарля Буайе или Бэзила Рэтбоуна, пока не оказалось, что он просто привередлив и брезглив.

В то же время хорошо одетый высокий молодой блондин с лицом ангела появился в переднем вестибюле магазина и широко распахнул дверь на улицу.

– Простите меня, ваше *величество*, мы нуждаемся в помощи? – спросил он со смешком, как раз когда мужчина триумфально воздел ключ, крепко зажатый в руке.

Грейс наблюдала, как они смешливо, дружески подшучивали, прежде чем вместе исчезли в магазине. Она осталась сидеть на лавке и снова прочитала объявление. Все это ей было знакомо – она была в свое время компетентным секретарем. Скорость Питмана у нее была великолепной, и она определенно могла считаться *взрослой*, что, как она поняла, подразумевало необходимость быть либо слишком замужней, либо слишком старой, чтобы угрожать хрупким отношениям в коллективе.

Грейс сделала еще один глоток из кружки, отнесла ее обратно в палатку и нехотя пустилась в обратный путь. Она уже добралась до автобусной остановки, когда что-то заставило ее повернуться. До самого этого дня она не знала что. Ей понравилась чуждость утренней булочки, вкус кофе, приготовленного в кои-то веки не ее собственными руками, поездка на автобусе-Наутилусе. Элегантность неуклюжего мужчины, дружелюбие другого.

Так они тебя и заманили, заявит потом Вивьен.

Глава пятая

Правило № 6

Историческая репутация магазина в качестве поставщика наилучших книг нуждается в постоянной поддержке

Владельцем «Книг Блумсбери» был Джереми Баскин, 11-й граф Баскин, чей прадед выиграл магазин во время затянувшейся игры в карты в одном частном клубе Вест-Энда ровно сто лет назад. Для графства Баскин «Книги Блумсбери» стали лишь еще одним владением в многовековом портфеле, на пару к нескольким поколениям скаковых лошадей, оригиналу Хогарта и ряду домиков для рабочих в ближайшей к йоркширскому родовому гнезду деревне.

Оказавшись в графских руках по прихоти, прихотью магазин и оставался. До нынешнего графа Баскина семья не слишком обращала внимание на «Книги Блумсбери» и владение на Лэмбс-Кондюит, где магазин находился. Они в целом нечасто посещали город. Но Джереми Баскин любил Лондон, любил гулять по многолюдным изгибающимся улочкам и наталкиваться на что-то, чего прежде не замечал. Город был полон бесконечных сюрпризов, и приходилось все время держать ухо востро из опасения перед тем, что можешь обнаружить или пропустить.

Лорд Баскин испытывал отеческую приязнь к магазину и его персоналу, который часто казался ему сборищем полных жизни, но вечно спорящих детей. Сам он был бездетным, разведенным и одиноким. Служба в Северной Африке завершилась искалеченной левой рукой и женой, сбежавшей в его отсутствие с молодым американским солдатом. Получился скандал, достойный книги «Пригоршня праха» его друга Ивлина. Но вместо того, чтобы рвануть от сплетен в глубины амазонской сельвы, граф укрылся в «Книгах Блумсбери», пока высшее общество бежало от Лондона и Блица в свои загородные поместья. Молодых людей из магазина призывали на службу, их места часто занимали женщины, а лорд Баскин проработал там до конца войны.

В отличие от других мужчин из его семьи, Джереми Баскин любил знакомиться с людьми всех сортов. Он был воплощением сердечности и мог найти что-то интересное практически в любом. Когда его покойный старший брат, отец и дед держались крайне узкой прослойки общества – бездельничающей аристократии, – Джереми делал все, чтобы услышать истории других людей, больших или маленьких. Он верил, что нет лучшего места познакомиться с ними, чем книжный магазин.

За стойкой кассы, где теперь с неохотой трудилась Вивьен, Джереми Баскин сам близко познакомился с некоторыми из возможных причин ее недовольства. Роль покупателя в некоторых людях раскрывала худшие качества. Было что-то удивительно – и трагично – демократичное во всем этом. В один миг измученная домохозяйка с прилипшим к рукаву леденцом будет требовать возврата денег за явно прочитанную книгу, а в следующий – профессор из одного из ближайших университетов станет критиковать беспорядок на этаже редких книг. Лорд Баскин никогда не мог предсказать, когда наступит неловкий или агрессивный момент, но здесь на помощь пришли годы подготовки к наследованию семейного поместья. Он видел магазин – и мир – как серию взаимосвязанных кусочков. Его задачей было обеспечить бесперебойную работу их всех, и его природное дружелюбие помогало ему приспосабливаться к сиюминутным нуждам других, одновременно умудряясь не уступать территорий. Нынешний граф Баскин не мог позволить себе продолжить терять их.

Для начала Финансовый акт 1949-го установил 80-процентный налог на наследство, стоимость которого превышала миллион фунтов; когда умер дед Баскина, подлежащий уплате сыном и наследником налог был лишь малой частью этого. Результатом для графства стала необходимость продать все несущественные владения, чтобы покрыть расходы на содержание более важных. От магазина стоило избавиться первым – он приносил лишь несколько тысяч фунтов в год с Великого упадка 1930-го. Дела шли так туго, что мистер Даттон и мистер Аллен, самые старшие сотрудники, получали небольшую часть своей годовой зарплаты акциями в попытке сохранить ликвидность. Скоро, сложив свои доли, они завладеют контрольным пакетом, и участие семьи Баскин в «Книгах Блумсбери» подойдет к концу.

Недавно мистер Даттон упомянул, что вместе с мистером Алленом планирует сделать именно это. Однако лорд Баскин не был уверен, что они были лучшим выбором для того, чтобы ввести магазин во вторую половину двадцатого века. Как бы искренне он ни любил и ни уважал обоих мужчин, Баскин не мог не задумываться о том, что, возможно, настало время для изменений. Фрэнк все больше и больше времени проводил в дороге, пока Герберт отмахивался от идей молодых сотрудников как от назойливых мух: *нет* тематическим распродажам, *нет* мероприятиям по билетам и *абсолютно нет* персонализированным подпискам и услугам для домашних библиотек. Мать лорда Баскина, известная и щедрая хозяйка, научила его, как важно располагать других к себе и дарить им приятный опыт. Даттон и Аллен продавали лишь воспоминание о прошлом, а прошлое теперь было не в цене. Лорд Баскин понимал финансовую сторону книготорговли лучше многих, и исторический магазин его семьи едва ли стоил земли, на которой стоял.

К счастью для лорда Баскина, *ей* он все еще владел. Большая часть земли в Англии оставалась в руках нескольких тысяч наследственных пэров вроде него. Но лорд Баскин подозревал, что впереди «поместных дворян», как любил называть себя его отец, ждало воздаяние. «Дворяне» как джентльмены, «поместные» как удачливые. Унаследовав отцовское хладнокровие и свободный дух матери-американки, Джереми Баскин не тревожился от мыслей о переменах, он знал, что на его долю всегда хватит. Но многим из его круга перспектива нового десятилетия, два дня как наступившего, казалась нервирующей. Аристократия начала при первой возможности продавать семейные дома, либо сносить, когда возможности не было. Все искали приглашений: выходные за городом или вечеринка в лондонском доме за счет хозяина могли решить многие финансовые трудности.

Так граф обнаружил себя у бара в главной гостиной дома на Белгрейв-сквер. Гости отмечали возвращение Вивьен Ли на сцену в «Трамвае «Желание» после короткого периода восстановления. Баскин планировал уйти пораньше. Сообщение, которое ему оставили на стойке отеля «Рассел» в Блумсбери было довольно тревожным: Герберт Даттон позвонил, чтобы сообщить о временных перестановках в персонале в связи с его коротким, но досадным отсутствием. Зная как верность мистера Даттона работе, так и его привычку минимизировать все прочее, лорд Баскин был достаточно обеспокоен, чтобы меньше обычного заботиться о вихрящихся вокруг него светских условностях.

Он с облегчением заметил, что Ярдли Синклер пробирается сквозь толпу сверкающих коктейльных платьев насыщенных цветов и черных пиджаков без намека на жилеты. Это было лишь одно из многих послевоенных изменений в одежде, к которым лорду Баскину, уже перешагнувшему за сорок, пришлось привыкать. Несмотря на эту неформальность, Ярдли выглядел таким же элегантным и таким же озорным, как всегда. Будучи крайне уважаемым, но общеизвестно скупым главой музейных услуг в «Сотбис», Ярдли проводил время между Лондоном и маленькой хэмпширской деревенькой Чотон, где недавно приобрел несколько акров фермерской земли. По слухам, свой дом он делил там с другим мужчиной, местным фермером и еще одним членом Общества Джейн Остен. Лорд Баскин знал и любил Ярдли многие годы с тех пор, как они вместе учились в Кембридже.

– Синклер, ты, получается, вернулся с фермы?

Ярдли кивнул, одновременно весело подхватывая фужер шампанского с подноса, незаметно протянутого официантом – последний, в отличие от них, был привычно одет в смокинг.

– Да, – промурлыкал Ярдли своим шотландским говором, который – лорд Баскин готов был поклясться – с годами становился только сильнее. – Нет ничего лучше, чем отметить Новый год с толпой напившихся сидра деревенских.

– Общество снова собралось?

– Все, кроме малышки. Она все еще в Кембридже, далеко превзошла наши скромные усилия. Но я привез с собой Мими. Она где-то тут. А ты? Выбирался в город?

Баскин прикончил свой бокал шампанского, но отказался от второго.

– Нужно держать голову трезвой, – объяснил он в ответ на вопросительный взгляд Ярдли.

– Проблемы с дамами?

Баскин рассмеялся, будто идея была абсурдной.

– Едва ли. Кому нужен стареющий разведенец с полуразвалившимся поместьем?

– Поместье есть поместье, старик. А разводы явно в моде. – Ярдли игриво приподнял бровь, оглядывая комнату, в которой несколько женщин силились подслушать лорда Баскина – такого высокого и привлекательного, что он возвышался над любой толпой.

Проследив за его глазами, лорд Баскин заметил, как леди Браунинг с хитрым выражением внимательно слушает их разговор. Она намеренно встретила с ним взглядом, прежде чем прошептать что-то на ухо своей близкой подруге Эллен Даблдей, недавней вдове американского магната-издателя. Баскин мог только гадать, какие сплетни эти женщины вынесут с вечера. К счастью, он знал, что его частная жизнь, в последнее время начавшая ставить в тупик даже его, была в безопасности от любопытных глаз.

– Проблемы в магазине, вообще-то, – наконец ответил он Ярдли. – Управляющий уходит на больничный, и Фрэнк Аллена придется вызывать обратно.

– Аллену это не понравится. Он в последнее время от злости лопается из-за новых приобретений «Сотбис».

Баскин кивнул.

– Даттону придется перемешать все позиции, персонала не хватает. Девушкам в магазине наверняка и надеяться нечего на какое-то повышение – Даттон для этого слишком старомоден.

– Возможно, он наконец расслабится.

– Маловероятно. – Лорд Баскин горестно улыбнулся. Он знал Герберта Даттона несколько десятилетий, знал его пятьдесят одно правило и дрожащий, но железный кулак – тот был не способен на импульсивность или инициативу.

– Магазин принадлежал твоей семье сколько – сто лет? Возможно, настало время оставить его.

Баскин медленно покачал головой.

– Что будет с женщинами? Страна все еще в кризисе. А еще мистер Рамасвами, он добился из самой Индии, надеялся на работу в научной среде, но вынужден довольствоваться нами. Нет, я должен как-то удержать его в нужных руках.

– Как по-отечески с твоей стороны.

Баскин засмеялся.

– Уверен, что кажусь высокомерным. Но каждый из них нуждается в этой работе, чтобы поставить еду на стол, настолько плохи дела. Нам повезло, тебе и мне. Ты только оглянись. Здесь все. Всегда можно выудить возможность.

Так и было. В любую ночь в Лондоне бары в отелях, лобби театров и гостиницы были набиты одними и теми же людьми: политиками и газетными магнатами, аристократами и американскими светскими львицами вроде Эллен Даблдей, писателями, артистами и актрисами вроде леди Оливье и Мими Харрисон. В Америке Голливуд контролировал киноиндустрию,

Вашингтон был центром политики, а Нью-Йорк – искусства, но Лондон был центром всего. Город, выстроенный на призраках предыдущих; копни в любом месте и найдешь века реликвий времен римлян и англосаксов, эр викингов и норманнов, Елизаветинской и Викторианской эпох.

Лорд Баскин окинул гостиную взглядом и задумался, не суждено ли было собравшимся здесь лордам и леди вскоре стать другого рода реликтами. Лондон за пределами этих позолоченных комнат – тот, что принадлежал его сотрудникам, – был изнурен и разбомблен. Но изменения уже были на пороге, даже ему было видно. Лорд Баскин не знал, чего ожидать от грядущего десятилетия, но интуиция подсказывала, что на предыдущее оно будет совсем не похоже. Плотная жилая застройка, рабочие места, иммиграция и экспорт – все было на подъеме вместе с системой национального здравоохранения. Это означало деньги на отдых у моря, поездки в кино – и книги. Больше денег на новые нейлоновые чулки, которые могли себе позволить сейчас Вивьен и Грейс, несмотря на обтрепанные носы их лакированных туфель.

Его сотрудницы были крайне компетентными женщинами, которые выжимали максимум из доступного им, а доступно им было немного. Лорд Баскин восхищался ими обеими и опасался, что мистер Даттон сослужил магазину дурную службу, назначая на руководящие позиции одних мужчин. Но Баскин был владельцем, который держал руки подальше от бизнеса: сердце его было в деле, но он знал свое место в мире и уважал чужую автономию. Его понимание собственного положения было цельным и бесспорным, и вот-вот должна была наступить расплата.

Глава шестая

Правило № 13

Сотрудники должны приходить на работу в строго отмеченное время

Лэмбс-Кондюит-стрит – улица Ягнячьего водовода – была так названа не в честь очаровательной картинки, которую представляли туристы, но по имени торговца тканью и елизаветинской дамбы. Четыреста лет назад богач Уильям Лэмб оплатил строительство реального водовода, не так давно разобранного, чтобы подводить к городу воду из источников и луговых рек. Будучи известным филантропом, Лэмб также раздал сто бадей бедным женщинам, чтобы те могли собирать и продавать воду – безотрадная работа, которую Вивьен часто саркастично сравнивала со своей и Грейс.

У начала улицы, в доме номер 40, располагались «Книги Блумсбери». Когда Вивьен с опозданием прибыла на работу утром после приступа мистера Даттона, она с удивлением обнаружила, что наружная и внутренняя двери вестибюля все еще закрыты. Покупатели не должны были появиться до половины десятого, когда магазин официально открывался. Но мистер Даттон всегда просил, чтобы персонал начинал день ровно в 9 утра, хотя Вивьен частенько захватывала лишку от этого времени. Зайдя и оглядевшись, она поняла, что на работе еще нет никого, кто требовал бы чая, подглядывал с лестниц или возился с древними электрощитками. Весь основной этаж магазина был пугающе тихим.

Вивьен спрятала сумочку из черной лаковой кожи под кассовой стойкой. Она позволила кассовому аппарату полностью открыться вместо того, чтобы придержать его бедром. И по-прежнему не было никакого отклика, даже подтверждающего кашля, которым мистер Даттон приветствовал первое открытие кассы каждое утро, не покидая кабинета.

Вивьен заглянула под стойку, вешая ключи от передней двери на маленький металлический крючок. Портфель Алека (из настоящей телячьей кожи и с золотой монограммой – подарок от обожающих родителей) не был спрятан в углу, где он всегда его держал.

Внимательные глаза Вивьен распахнулись от этого открытия, а в голове завихрились мысли.

Алек никогда не опаздывал – разве что когда ему приходилось накануне развлекать приглашенных авторов с разрешения и поощрения намного менее социального мистера Даттона. Даже больше, чаще всего Алек первым прибывал в магазин и нередко последним уходил в конце дня, а по понедельникам работал сверхурочно. Вивьен была уверена, что так он получал какое-то преимущество над всеми остальными на всю оставшуюся неделю.

Она мысленно вернулась к вчерашней суматохе. Как маленькая, странная Эвелин Стоун покинула офис мистера Даттона, едва попрощавшись, а Вивьен и Грейс вскоре последовали за ней. Чаще всего Эшвин Рамасвами уходил следом за женщинами, и никто не тратил время на то, чтобы узнавать, куда именно. Затем обычно уходил мастер-мореход Скотт – в один из двух пабов, что веками были частью Лэмбс-Кондюит: «Солнце» в доме номер 63, рядом с поворотом на Грейт-Ормонд-стрит, или «Ягненок» в 94-м, где, по слухам, часто выпивал Чарльз Диккенс, что делало его особо популярным среди мужчин «Книг Блумсбери».

Последними в разных комбинациях каждый вечер уходили Герберт Даттон, Фрэнк Аллен и Алек МакДоноу. Если Фрэнк не был в отъезде на распродаже имущества, он всегда дожидлся Герберта, чтобы они могли завершить день в беседах о магазинных делах. Алек удержи-

вался даже дольше, якобы ради подготовки к очередному вечернему мероприятию, но также чтобы заполнить ценное время наедине с одновременно Даттоном и Алленом, к вящему раздражению и огорчению Вивьен.

Но вчера день был необычный. Вивьен была ошарашена собственным уровнем паники и беспокойством за мистера Даттона, когда он бился в конвульсиях на ковре, а никто из них не знал, что делать. Никто, кроме Эви Стоун.

В этот момент из задней части магазина до Вивьен донесся какой-то звук. Мистер Даттон все-таки был на месте, как всегда бодрый и ранний. Она направилась напрямик к его кабинету, дивясь странному и новому желанию проверить, как он. Достигнув открытого проема, она замерла на месте.

Там, за заваленным стопками документов и счетов огромным столом, сидел Алек Мак-Доноу.

– Боже, Алек, тело еще даже не остыло. Выметайся, – выплонула она, затем заметила объемную стопку бумаг в его руках. – Что у тебя там? – с подозрением спросила она.

– Записи с инструкциями. От мистера Даттона. – Алек веером разложил бумаги поверх промокательной бумаги. – Четырнадцать страниц.

– Зачем, бога ради?

– Кажется... кажется, ему придется уйти в длительный отпуск. Доктор велел.

– Не может быть! Это был всего лишь приступ – судя по всему, не первый.

Алек покачал головой.

– Думаю, дела у мистера Даттона намного серьезнее, чем он когда-либо показывал.

Вивьен уставилась на него.

– И все же, мистер Аллен отлично справится с этой должностью.

Алек обеими руками похлопал бумаги, будто ставя точку.

– Кажется, мистер Даттон предпочел бы исполняющего обязанности главного управляющего, который всегда доступен в зале.

Вивьен стояла там, молча прожигая Алека взглядом и в кои-то веки наслаждаясь тем, что возвышается над его шестью с чем-то футами, пока до нее не дошло.

– Ты не...

Алек едва заметно, но уверенно пожал плечами.

– Что ж, я не...

– Это твоя прерогатива.

Они уставились друг на друга.

– Отлично. Мне придется уволиться.

– Ты в этом уверена? – наконец произнес Алек.

Вивьен всмотрелась в него. Он не все рассказал. Четырнадцать страниц – это немало, даже для мистера Даттона. Не говоря уже о том, что это было не самое положительное заключение о способностях его персонала.

– Что еще в этих записях? Дай посмотреть.

Алек поерзал в большом директорском кресле, но ничего не сделал в ответ.

– Он адресовал их мне. Как исполняющему обязанности главного управляющего.

Вивьен вздохнула, признавая поражение, и села напротив него.

– В первую очередь, Эвелин Стоун принята на работу.

– Надо надеяться.

– Еще назначен новый руководитель Художественной литературы. – Алек замолк. – Вообще-то, это ты.

Он, в свою очередь, очень внимательно следил за ее реакцией. Она заметила, как что-то нарочитое высвобождается из-под обычно бесстрастной манеры и оживает в его взгляде.

– Я отзываю заявление об уходе, – быстро ответила Вивьен.

– Так можно?

– Да. Да, думаю, что можно. – Она встала и вышла из кабинета до того, как он успел вставить хоть слово. Она практически столкнулась с Грейс, с опозданием летящей с улицы все еще в пальто и шляпе. Вивьен подняла глаза на Грейс, когда они разошлись в коридоре, зная, что Алеку все слышно через открытую дверь, и прошла прямо в зал магазина, излить накопленное ожидание столам и полкам.

Она почти сразу же направилась к шкафу, помеченному буквой «О», и достала двухтомник «Маленьких женщин» и толстую антологию о Джейн Остен, которые стояли, на удивление забытые, на нижней полке. Перво-наперво она соберет стол классических писательниц, который всегда хотела сделать. Энн Бронте займет принадлежащее ей по праву место рядом с сестрами, Кэтрин Мэнсфилд присоединится к своей давней подруге по переписке Вирджинии Вулф, а Элизабет Гаскелл выйдет из викторианской тени Диккенса, Теккерея и Тrolлопа.

Стук в дверь вывел Вивьен из задумчивости. Она кинула взгляд на свои «Карты», подарок от покойного жениха, – «Танк», одну из первых моделей часов, созданных французским дизайнером. Грейс спросила однажды, не являются ли часы с бриллиантами из 18-каратного золота слишком болезненным напоминанием, особенно учитывая, что в основе их дизайна – танки с полях сражений предыдущей войны. Но Вивьен нравился острый эмоциональный укол каждый раз, когда она видела часы и была вынуждена вспоминать. Это странным образом заставляло ее чувствовать себя живой, когда мало что другое помогало.

На часах было ровно 9:30 – время открываться. Все еще держа в руках антологию Остен, Вивьен прошла в маленький вестибюль, который предвещал вход в магазин. Она кратко поприветствовала первого мужчину в очереди, затем вернулась к кассе, где в ожидании стояла Грейс.

– Ты не уволилась? – спросила она приглушенным тоном.

Вивьен покачала головой и кинула взгляд в коридор.

– Тиран все тебе рассказал?

Грейс кивнула.

– Бедный мистер Даттон, наверное, задержался вчера на многие часы, чтобы все записать.

– Я уверена, что у него в ящике давно лежал готовый черновик. На всякий случай.

– Значит, ты теперь главная. – Грейс опустила глаза на книгу Остен, игриво прижатую Вивьен к груди. – Не опьяней от власти.

Они улыбнулись друг другу, и Грейс кратко, дружелюбно похлопала Вивьен по плечу, прежде чем вернуться к своему столу.

Прошел час. За этот час – в кои-то веки – Алека МакДоноу нигде не было видно. Вивьен могла бы заплакать от свободы. Она стояла там и мысленно составляла списки всех писательниц, которых теперь будет продавать: Гертруду Стайн и других постмодернисток, американских реалисток, включая Сару Орн Джуитт, вышедших из моды викторианских романисток вроде Мэри Элизабет Брэддон и Эллен Вуд.

– Мисс?

Вивьен подняла глаза, услышав американский акцент. Перед ней стояла юная девушка в очках в толстой оправе и с беретом на голове.

– Могу ли я вам чем-то помочь?

– Уверена, что нет, но вдруг у вас есть «Эпоха невинности» Эдит Уортон?

– Нет, боюсь, нет.

– Она получила Пулитцеровскую премию.

– Да, я знаю. Мне ужасно жаль.

Девушка понимающе улыбнулась и вернулась к дальнему ряду Отдела художественной литературы. Вивьен проследила, как она изучает полки, отмеченные «У», зная, что найдет она там в лучшем случае Вирджинию Вулф, единственную женщину, которой, по мнению сотрудников-мужчин, позволено было занимать драгоценное место на полках.

Вивьен потеряла счет случаям, когда молодые студентки и сотрудницы ближайших университетов и музеев заходили в магазин в поисках конкретных писательниц, только чтобы столкнуться с неожиданным провалом. На полках всегда можно было найти только Агату Кристи, Нэнси Митфорд и Дафну Дюморье, в основном потому, что они продолжали писать и продаваться и их было сложнее игнорировать.

«Сложно игнорировать» – казалось, вот лучшее, что можно было бы ожидать от магазина, когда дело доходило до писательниц. Вивьен всегда хотела это изменить. И теперь вдруг у нее появилась возможность. Если на что-то можно было полагаться в «Книгах Блумсбери», так это на иерархию. Мистер Даттон все запечатлел на бумаге и тем самым высвободил амбиции Вивьен, дабы обезопасить свои. Более того, исполняя обязанности главного управляющего, Алек мог лишь до определенной степени давить на решения Вивьен: она могла использовать в качестве оружия его собственные достижения как главы отдела.

Вивьен вдруг почувствовала не только свободу – смелость. Она могла взять структуру и ограничения, пятьдесят одно правило в рамке, многочисленные страницы записей, с которыми Алек уже с готовностью управлял, и повернуть их себе на пользу. Она задумалась, понимали ли мужчины в полной мере, что натворили, стремясь возвысить Алека.

Этому суждено было стать их существенным просчетом.

Глава седьмая

Правило № 9

Прервав размышления покупателя, сотрудник рискует прервать покупку

День уже перевалил за половину, когда Фрэнк Эмсбери Аллен вернулся в Лондон из Северного Йоркшира, где посещал двухдневную распродажу имущества в Топпингсе вместе с дюжинами других покупателей редких книг со всей Англии. Выйдя со станции «Сент-Панкрас» в сгущающийся сумрак, Фрэнк побаловал себя кебом. Обычно он бы быстрым шагом преодолел пятнадцатиминутную дорогу от Джудд-стрит до магазина, но это был длинный день, а он хотел добраться до дома.

В Топпингсе Фрэнк быстро, но тщательно прошелся по всей семейной библиотеке в тысячу книг. Не было никакого подготовленного каталога – в распродаже не участвовали аукционные дома типа «Сотбис». В книжном деле они называли подобное горячей распродажей. Последний член семьи скончался, не оставив прямых наследников мужского пола, и душеприказчик быстро распродал все, чтобы погасить карательные налоги на наследство. Фрэнк подозревал, что в течение десяти лет великолепный, но обшарпанный георгианский особняк в итальянском стиле тоже снесут, чтобы освободить место для панельных домиков, уже окружающих поместье.

Фрэнк зашел в магазин в доме номер 40 по Лэмбс-Кондьюит и не заметил никаких изменений. Две американские дамы в розовом и желтом дневных платьях от «Диор» и таких же шляпах и сумках стояли возле стола с книгами по искусству в атмосфере вялого обязательства. Такого рода женщины быстро забегали в магазин после дня, проведенного в кафе, магазинах и Национальной галерее с частным гидом. Алек МакДоноу со своими небрежными светлыми волосами и подтянутой фигурой, всегда затянутой в пиджак и брюки, впервые отсутствовал на одной из высоких лестниц на колесах («Как Бог», – часто жаловалась Вивьен.) Сама Вивьен стояла на привычном месте за кассой, яростно строча что-то в своей зеленой тетради на пружинке.

Фрэнк прошел мимо нее с быстрым взаимным кивком. Персонал не забывал о необходимости соблюдать тишину, дабы не тревожить посетителей. *Прервав размышления покупателя, сотрудник рискует прервать покупку* – таково было девятое правило магазина и одна из многих мантр, которые руководство внушило им за годы.

Из утренней почты, переданной ему в Топпингсе дворецким сразу после завтрака, Фрэнк знал, что Герберта Даттона не будет в этот день на месте. Кроме этого, Фрэнк ничего не знал. Он поднял записку с протянутого ему серебряного подноса, как раз когда леди Брэдбери, старше его как минимум на пятнадцать лет, одарила его очередным взглядом. Он им не поддавался, как бы ни было просто побаловать себя ночью вдали от дома. Приятного вида мужчина с острыми, ястребиными чертами и отточенными соблазнительными манерами, Фрэнк отверг притязания многих вдов за годы, проведенные в исследованиях библиотек их покойных мужей.

Фрэнк взлетел по лестнице, ведущей на верхние два этажа магазина. Полный невозмутимой, бурлящей энергии, он был прямой противоположностью Герберта Даттона, на пару с которым Фрэнк неофициально управлял «Книгами Блумсбери» последние восемнадцать лет. Проходя по площадке второго этажа, он не озабочился заглянуть к мастеру-мореходу Скотту, который поприветствовал бы его дай бог кряхтением. Когда Фрэнк наконец достиг площадки

третьего этажа, которая вела в большую открытую студию, он повесил портфель и сумку на ближайшую вешалку, развернулся, полный облегчения от возвращения, – и замер так резко, что одна нога зависла в воздухе.

Там, посреди этажа, на треножном табурете сидела мелкая невыразительная девчушка, на первый взгляд не достигшая и двадцати. Широко распахнув застекленные еще в эпоху Регентства двери шкафа, она рылась внутри.

Рот Фрэнка открылся, затем захлопнулся, и он вихрем развернулся и снова сбежал на второй этаж.

– В моем отделе девчонка.

Мастер-мореход Скотт не стал немедленно поднимать глаз на возглас Фрэнка. Вместо этого он поднял левый указательный палец и шикнул на него, продолжив чтение.

– Девчонка. Совсем крошка. Вот такая. – Фрэнк поднял ладонь фута на три над полом.

Скотт наконец опустил лупу и воззрился на коллегу.

– Да ладно, парень, она чутка побольше этого.

– Что, черт возьми, случилось, пока меня не было?

Скотт быстро пересказал подробности припадка мистера Даттона, пока Фрэнк медленно устраивался на ближайшем стуле для чтения.

– Я и не подозревал – его записка просто упоминала, что сегодня его не будет.

– Не было нужды поднимать шум. – Скотт кашлянул. – Все вышло хорошо.

Разговоры с бывшим офицером ВМФ всегда напоминали попытки отколоть кусочки от айсберга, плавающего в арктических морях, но в этот миг Фрэнку показалось, что он заметил легкую оттепель в его манере.

– Значит, он дал ей работу вот так, даже не спросив меня?

– Никого не спросив. Она заявила этим утром. Сразу приступила к работе, и с тех пор ее не было слышно. Некто мисс Эвелин Стоун.

– Эвелин Стоун, – почти бездумно повторил Фрэнк. – Ох, конечно, я теперь помню – телефонный звонок прямо перед Рождеством. Боюсь, она совсем не то, что я себе представлял.

– Но вы однажды встречались?

– Мельком. Это было во время распродажи библиотеки поместья в Чотоне. Осенью... 46-го, кажется? Ярдли Синклер из «Сотбис» представил ее. Не могу вообразить зачем. – Фрэнк тяжело вздохнул. Ему нравилось путешествовать отчасти потому, что он не любил никакого рода присмотра. Постоянные разъезды позволяли ему делать все, что он хотел и когда хотел. И он не хотел, чтобы какая-то девчонка перебирала его драгоценные книги, пусть даже у нее был диплом Кембриджа.

– Полагаю, Герберта подначили женщины, – добавил он, вдавливая большой и указательный пальцы между бровями и растягивая вертикальную полоску, что появлялась там в моменты стресса.

Мастер-мореход Скотт пожал плечами.

– Герберт был не в себе.

Фрэнк снова вздохнул.

Начало для мисс Эвелин Стоун было не самым благоприятным.

В 10:29 утра 3 января 1950-го Эви Стоун прибыла к парадной двери «Блумсбери Букс» – ровно за минуту до времени, указанного ей мистером Даттоном. Предыдущим вечером она вышла из магазина в статусе новой сотрудницы и тщательно замерила время, требующееся для возвращения в крошечную ричмондскую квартиру ее подруги Шарлотты Дэвар. Когда Эви позвонила на Рождество и объяснила нужду в работе, Шарлотта тут же предложила раскладушку в своей квартире, пока Эви не сможет позволить себе комнату.

Эви и Шарлотта сблизилась, работая в услужении в поместье семьи Найт в Чотоне. Когда поместье было продано застройщику, Шарлотта быстро нашла новую работу горничной в одном из лондонских отелей. На переезд в Лондон ее сподвиг роман, закончившийся так же быстро. С тех пор были и другие связи, но Шарлотта будто не спешила выходить замуж и заводить семью, что ввергало Эви в недоумение. Иного смысла в мужчинах она не видела.

Идя домой по Лэмбс-Кондюит-стрит, пока хозяева магазинов опускали на ночь ставни, Эви не сбавляла шага и не оглядывалась по сторонам. Она достаточно раз приезжала в «Книги Блумсбери» на разведку, чтобы не обращать внимания на окружающие здания и достопримечательности. Даже оказываясь в новых местах, Эви имела привычку смотреть вперед, фокусируясь на своей конечной цели и стремясь никогда не опаздывать. Она в жизни ни разу никуда не опоздала. Она все планировала так, чтобы всегда прибывать за одну минуту. Сама мысль о том, чтобы заставить кого-то ждать, пусть даже несколько секунд, была для нее такой же чуждой, как опоздание на работу для мистера Даттона или приход вовремя для нетерпеливой Вивьен.

Однако именно Вивьен встретила Эви, когда она следующим утром прибыла в свой первый рабочий день в «Книги Блумсбери».

– Что ж, здравствуй, мистер Даттон написал, что ты зайдешь.

Вивьен казалась много приветливее, чем при их первой встрече. В руках у нее была большая охапка книг, перед ней – пустой стол, и она радостно раскладывала на него книги по собственному усмотрению.

Не зная, что еще сказать, Эви спросила про мужчину, который накануне был частью происшествия, – того, что сидел на лестнице.

– А. Ты имеешь в виду нового главного управляющего, пока бедный мистер Даттон отсутствует. – Вивьен покрутила карандаш в руках. – Тот еще оппортунист. Сама знаешь таких.

Перед глазами встал Стюарт Уэсли из Кембриджа, приобнявший дочь старшего научного сотрудника Кристенсона, как они вдвоем пьяно ковыляли по выщербленным мощным улочкам в смокинге и шелковом платье, нарочито переступая через пробки от шампанского и конфетти, рассыпанные вокруг их дорого обутых ног.

– Ага, – отметила Вивьен с заговорщицкой улыбкой. – Вижу, что ты и правда знаешь таких. Но неважно. О нем тебе волноваться не стоит.

Эви уставилась на Вивьен – на броски от враждебности к юмору, на волосы, обрезанные даже короче, чем у нее, но намного более соблазнительно. Тогда как Эви ровняла свое простое каре швейными ножницами, у прически Вивьен была форма, которая шла к ее овальному лицу и широко поставленным глазам, с венчающей брови челкой, которая подчеркивала такую же черноту подкрашенных тушью ресниц. Во время разговора Эви ловила себя на том, что часто смотрит в глаза Вивьен, накрашенные сильнее, чем она привыкла видеть даже на Мими Харрисон. Тушь была наложена густыми слоями, а темный карандаш добавил как изгиба бровям, так и длинные стрелки внешним уголкам глаз, отчего казалось, будто взгляд Вивьен доминирует над всем ландшафтом ее лица. Эви казалось, словно Вивьен видит ее насквозь, как один из множества биглей, что жили у них на ферме. Возможно, в этом и был смысл.

– Мистер Даттон оставил подробные инструкции – слава богу, МакДоноу не в состоянии их подделать. Я новая глава Отдела художественной литературы, а ты, как мы понимаем, будешь помогать мистеру Аллену.

– Да, мисс.

Вивьен взяла паузу, будто выжидая, что Эви скажет что-то еще, прежде чем дружелюбно настоять:

– Как мы понимаем, ты *знаешь* мистера Аллена.

– Да, мисс. Я познакомилась с ним на аукционе. В «Сотбис».

– Значит, ты работала в «Сотбис»? – в тоне Вивьен была нотка удивления, которую Эви пропустила.

– Нет, мисс, я посещала аукцион. С мистером Ярдли Синклером.

– А, да, Грейс сказала мне. Как замечательно. И... откуда ты его знаешь?

Эви не была уверена, что когда-либо встречала кого-то столь же любопытного, как Вивьен.

– Мы члены одного общества.

Вивьен уставилась на нее.

– Какого общества?

– Общества Джейн Остен.

Вивьен ахнула.

– Не может быть!

– Это правда.

– Ты одна из знаменитой восьмерки, что спасли коттедж? Ты и Ярдли Синклер, и актриса Мими Харрисон?

Эви кивнула.

– Никогда бы не подумала. Я сама плачу взносы в Общество Бронте. Мне больше подходит их гнев. – Вивьен взглянула на часы. Мистер Даттон не позволял вешать часы на стены магазина, чтобы покупатели не вспомнили вдруг о других своих обязательствах. – Скоро будет время второго завтрака. Хочешь присоединиться ко мне на кухне? Новая глава отдела или нет, но от нас, женщин, мужчины всегда будут ждать чая. Хотя здесь его заварить – тот еще подвиг, поверь мне.

Они прошли по коридору в кухоньку, расположенную через холл от двух задних кабинетов, где Эви заметила вчерашнего высокого блондина с лестницы, теперь с удобством устроившегося в кресле мистера Даттона.

Вивьен тоже кинула на него взгляд.

– Как я и говорила, не обращай на него внимания, – повторила она со вздохом.

Проведя ее в маленькую кладовку, переделанную под кухню, Вивьен взяла с полки жестяную банку с чайными листьями и включила в розетку электрический чайник.

– Мы всегда оставляем воду в чайнике, чтобы она застоялась. Лишь один из множества моих маленьких актов сопротивления.

Вивьен принялась доставать сахарницу и разные чашки и блюда из открытого шкафа у них над головами.

– А теперь мы будем ждать прямо здесь, потому что чайник может и выкипеть. Я так однажды подожгла стол.

Она странно засмеялась, и ее веселая враждебность не позволила Эви придумать хоть что-нибудь, что сказать в ответ.

– Поскольку по талонам нам положено только две унции в неделю, то есть двадцать пять чашек, мистер Даттон требует от нас семерых – теперь восьми! – вести строгие подсчеты. Но если делать четыре похода на кухню в день, не ошибешься.

В воздухе вдруг стали разливаться совершенно незнакомые запахи.

Вивьен в своей непрекращающейся наблюдательности заметила, как Эви шмыгнула носом.

– Специи, – просто объяснила Вивьен, кивая на стопку квадратных деревянных коробочек на самой верхней полке. – Мистера Рамасвами. Индеец. Вы с ним встретились вчера. Ну, довольно мелко, учитывая наш вчерашний провал в гостеприимстве.

Эви глубоко вздохнула и различила запахи корицы и гвоздики. Они напомнили ей о рождественском пироге матери, и она почувствовала непривычную тоску по дому.

– Он заваривает с ними чай, – объяснила Вивьен. – Он называет его *масала*. Чудесное слово. Чудесный человек, к слову.

Вивьен мерной ложечкой выгребла чайные листья из жестянки и добавила в большой глазированный чайник из красной глины. Когда вода закипела, она выдернула электрический чайник из розетки и доверху залила заварочный водой.

– У нас небольшая проблема с распределительным щитком, – объяснила она Эви. – Если что-то случится с чайником, здесь разверзнутся адские врата, так что мы с Грейс на всякий случай не включаем его в розетку без дела.

Вивьен достала молочник из белого холодильника под стойкой и чайные ложечки из ближайшего ящика, раскладывая все рядом с чашками и блюдцами.

– А теперь мы оставим все, чтобы мужчины сами разлили себе чай. Очень уж это племя *привередливое*.

Эви вернулась в Отдел редких книг с собственной чашкой чая и двумя печеньями и какое-то время стояла посреди открытого пространства, тихонько размышляя. Хотя она сама любила порядок, в «Книгах Блумсбери» было множество лишних правил – и возможностей их нарушить. После относительной свободы Кембриджа, несмотря на все его недостатки, Эви начинала гадать, во что ввязалась.

Позади большого стола в восточной части комнаты Эви заметила маленькую кладовку. Внутри она нашла небольшой деревянный табурет, идеальный для ее работы. Встраиваясь в новый режим и постоянное место, она была благодарна за возможность вернуться к тайному заданию, которое дала себе.

Она вообще-то дала его себе много месяцев назад, задолго до того, как Кристенсон, Кинросс и Уэсли прервали избранный ею академический путь. Она отнюдь не случайно открыла верхний ящик своего импровизированного архивного шкафа, начала с буквы «А» и вскоре наткнулась на визитку мистера Аллена.

Все это время Эви хранила ее по определенной причине.

Глава восьмая

Правило № 20

Новые сотрудники должны полностью посвятить себя изучению своей должности и обязанностей

Первый день в «Книгах Блумсбери» Эви Стоун провела за изучением шкафов Отдела редких книг. Прямо перед тем, как отправиться на продолжительный больничный, мистер Даттон сообщил Эви, что на верхнем этаже хранится почти десять тысяч томов, которые, как ни больно признавать, нуждались в организации.

– Фрэнк – мистер Аллен – великолепный закупщик. Мы всячески на него полагаемся. Но все же он, как бы сказать, лишен некоторого усердия, когда дело доходит до каталогизации.

Начав разбираться в беспорядке третьего этажа, она припомнила, когда ее в последний раз оставили одну с таким количеством редких и заброшенных книг. Прислуживая в поместье семьи Найт, она отчаянно стремилась к любого рода образованию, ведь из-за несчастного случая отца ей пришлось рано бросить школу. Рано начав читать Джейн Остен и других классических авторов, Эви первая задумалась о возможной важности и ценности семейной библиотеки Найтов, которой часто пользовалась сама Остен и которая всего сотню лет спустя стояла позабытой в приходящем в упадок поместье.

На протяжении двух лет, пока все в поместье спали, Эви перебирала по очереди 2375 хранящихся в библиотеке книг – страница за страницей, выискивая любого рода пометки и записи на полях, возможно, сделанные рукой самой Остен. Получившийся в результате рукописный каталог стал основой оценки Яртли Синклера от лица новообразованного Общества Джейн Остен. Общество полностью приобрело семейную библиотеку Найтов после оценки Эви и Яртли, которые были меньше всех удивлены, когда осенью 1946-го две тысячи книг были проданы через «Сотбис» за рекордные четыреста тысяч фунтов. На эти доходы Общество смогло превратить коттедж в Чотоне, где она когда-то жила, в Дом-музей Джейн Остен.

Фрэнк Аллен посетил распродажу имущества поместья от лица «Книг Блумсбери». В итоге он приобрел, практически без конкурентных ставок, пять томов из библиотеки Найтов. Эви отметила в записной книжке две тысячи выигравших ставок, что были сделаны в ходе длительного аукциона. Она почувствовала облегчение, когда третье фолио Шекспира выиграл доктор Септимус Фисби от лица Британского музея в результате продолжительной баталии с телефонным покупателем из Университета Бонна, расстройство, когда «Первая книга Уризена» Блейка ушла к богатому частному покупателю с побережья Калифорнии, и удручение, когда ряд написанных женщинами книг едва добрался до зарезервированной цены.

В это волнительное время Эви также готовилась к вступительному экзамену в университет под внимательным и требовательным взглядом школьной учительницы и еще одной участницы Общества Аделины Грей, выступившей ее частным репетитором. Яртли Синклер учился в Кембридже десятилетиями ранее, а жених Мими Харрисон сейчас проводил там научные изыскания в отпуске от Гарварда. Все три члена общества – втайне от Эви – удостоверились, чтобы ее заявка получила полное внимание. Профессора из приемной комиссии не могли отмахнуться от достижений Эви, которой было всего шестнадцать лет, в составлении исторически значимого библиотечного каталога Чотонского поместья. Общество отправило ее в Кем-

бридж, надеясь, что ее удивительное трудолюбие, нестигаемые амбиции и высокие моральные стандарты приведут к продолжительной и плодотворной академической карьере.

Вместо этого Эви Стоун вернулась к составлению каталогов. Но она не выглядела удрученной, сидя здесь, – всего несколько часов как начав свой первый день и уже позабывшая на верхнем этаже «Книг Блумсбери». Несмотря на все свои устремления, Эви комфортнее всего было в одиночестве, в окружении простых физических объектов, в которых было гораздо больше измышлений и объяснений мира вокруг, чем она когда-либо получала от людей.

Она перешла к следующему шкафу. Она знала, что ищет – и могла только надеяться, что найдет.

Смешно, но за свою нынешнюю работу и тайную миссию она могла поблагодарить профессора Кинросса. Проводя никак не связанные с этим исследования в Кембридже, Эви обнаружила, что одна из книг библиотеки Поместья стоила много больше, исторически и финансово, чем они с Ярдли имели резон подозревать. Благодаря тщательным записям всех победных ставок во время месячного аукциона «Сотбис» Эви смогла независимо подтвердить, что недооцененная книга была приобретена на распродаже мистером Фрэнком Алленом из «Книг Блумсбери».

Эви была признательна, что не пришлось спрашивать Ярдли – и тем самым «Сотбис» – о приобретателе книги. Хотя Эви и верила Ярдли как одновременно другу и соратнику по Обществу Джейн Остен, она также знала о его этическом обязательстве как сотрудника «Сотбис» сообщать обо всем, что узнал о продажах, бывших и нынешних. В результате Эви не желала вовлекать его или кого-то еще в свое новое исследование.

В этот раз, что бы она ни узнала, она узнает это сама.

Верхний этаж «Книг Блумсбери» был слабо освещен для защиты редких книг, и Эви провела большую часть этого дня, сидя в приятной тени. Но с приходом сумрака и снега небо помрачнело, и она поднялась, чтобы включить медную банковскую лампу на столе мистера Аллена. Когда ничего не произошло, Эви проследила за проводом от лампы, который змеился по полу между стопок книг к распределительному ящику, опасно торчащему посреди комнаты. Повозившись с вилкой и розеткой, она неохотно спустилась по лестнице, чтобы расспросить Грейс.

– О, не переживай – это все опять чертов предохранитель. – Грейс встала из-за маленького стола и направилась к задней лестнице, дружелюбно кивая Эви, чтобы та следовала за ней.

– Мисс Лоури прозвала эту лестницу *Via Inferno* за все те пожары, что мы едва не устроили за прошедшие годы. Девять кругов ада Данте.

– Она рассказала мне о том, что случилось на кухне, – подала голос Эви, осторожно спускавшаяся за ней по неустойчивой деревянной лестнице в подсобку.

– Вив придумывает прозвища для большинства вещей – и людей, – которые ее раздражают. Боюсь, их немало.

Голова Грейс исчезла в предохранительном щитке, и терпеливо ожидающая Эви огляделась. Через открытый проем ей был виден мистер Рамасвами, стоящий за своим столом.

– Что-то слышно от мистера Даттона? – вслух задумалась Эви, вспоминая, как впервые увидела Эша Рамасвами.

– Ничего. Вот. Все готово. Эви?

Эви оглянулась на звук своего имени, чтобы увидеть, как Грейс с улыбкой наблюдает за ней.

– Пойдем?

– Вообще-то, я была бы не против оглядеться, раз уж спустилась, можно?

– Конечно. Вообще-то, официально правило номер двадцать два требует, чтобы мы не оставляли своего поста без присмотра, если только не уходим на перерыв. – Грейс подмигнула. – Но этого ты от меня не слышала.

Под звук шагов осторожно поднимавшейся по лестнице Грейс Эви тихонько зашла в Отдел науки и естествознания. Эш Рамасвами стоял в глубокой задумчивости, что Эви от души уважала. Больше всего она ненавидела, когда ее отвлекали посреди занятия.

На звук шагов Эш выпрямился и обернулся к ней.

– Надеюсь, я вас не побеспокоила.

Он не спешил с ответом, и Эви огляделась и опустила глаза на его стол. К ее удивлению, он смотрел не на книгу, а в микроскоп.

– Значит, вы вернулись, – наконец заговорил он, снова надевая свои маленькие очки в проволочной оправе. – Должно быть, вас непросто запугать.

Она продолжила так же неловко стоять перед ним.

– Да, мисс Стоун? Вам что-то нужно?

На его столе лежала россыпь стеклянных слайдов и большая деревянная коробка с подписанными узкими ящичками; поверх лежали увеличительные стекла, щипчики и несколько менее знакомых металлических инструментов.

– На что вы смотрите?

Он отошел в сторону и указал на стоявший между ними микроскоп.

– Хотите посмотреть?

Эви ни минуты своей жизни не потратила на размышления о невидимом. Ее взор всегда был прикован к земле, всегда был определен. Жизнь на ферме научила ее обращать внимание на то, что прямо перед глазами: на дождевые облака, что клубятся на горизонте, на репейник, застрявший на боку у животного, на точное время для жатвы пшеницы, до того, как рассыпались колоски. Последующие годы, проведенные в книгах, научили ее фокусироваться на словах и их расположении как на объектах и создателях смысла. Это было одной из причин, почему более эзотерические науки, такие как философия и религия, не привлекли ее внимания. Ей нужно было потрогать что-то руками, чтобы поверить в его реальность.

Эви также никогда не смотрела в микроскоп. Ей пришлось покинуть школу до того, как началось какое-то значимое изучение наук. Эш помог ей настроить линзы и высоту инструмента, и вдруг предмет на слайде приобрел четкие очертания. У Эви перехватило дыхание от водяных переливов и детальной симметрии пары крыльев.

– Ох. Это правда прекрасно. Стрекоза?

– Не совсем, мисс. – Он достал слайд, чтобы показать ей. – Эта порода разнокрылых меньше, видите? Едва ли дюйм размером.

– Так вот что на всех этих подносах? Насекомые?

Он кивнул.

– В мире миллион различных видов. Есть чем заняться.

Она с любопытством взглянула на него. По голосу можно было решить, что он подшучивал над самим собой.

– Я бы никогда не подумала, что муха может быть такой красивой вблизи.

– Возможно, в этом и смысл. – Эш убрал слайд в маленький ящичек.

– Значит, вы были ученым дома? В Индии?

– Я знаю, где мой дом. – За этими резкими словами последовала такая же внезапная примирительная улыбка. – И – да, был. В Университете Мадраса.

– Правда? И давно вы в Лондоне?

Он поправил свои маленькие очки.

– В этом месяце будет ровно год. Благодаря вашему правительству я могу – впервые в истории – жить и работать, ну или хотя бы продавать здесь книги без ограничений.

– Ох, – неуверенно сказала она, не зная, как ответить.

– А вы, как женщина, наконец можете сохранить свое британское гражданство вне зависимости от того, за кого выйдете замуж.

– Я не знала, что могу потерять его, – удивленно ответила Эви.

Он странно посмотрел на нее.

– Как вам повезло.

– Почему?

Он начал отвечать, но оборвал себя.

– Возможно, я просто завидую.

– Так или иначе, я не планирую когда-либо выходить замуж. Или покидать Лондон.

– Тогда вам действительно очень повезло.

Эви отошла от стола и сделала вид, будто изучает многочисленные полки с книгами, но на самом деле она была слишком смущена, чтобы понимать, на что смотрит. Эш заставил ее почувствовать, будто она живет в совсем другом мире, в мире, где все намного проще. Он не мог знать, как страдала ее семья и как усердно она трудилась ради тех крох, которых добилась. Часть ее ненавидела, что он делает столько предположений о ней, когда сам очевидно ненавидит, когда делают предположения о нем. Но часть ее хотела лучше понять его и тоже заставить его четче видеть ее.

Оба они провалились в попытке найти работу в академическом мире, и Эви задумалась, не пытались ли они с Эшем прийти к одной цели, но разными путями. Эви не думала, что это был такой уж хороший фундамент для дружбы. Годы в Обществе Джейн Остен показали ей, что общие цель или образ мыслей были отличным способом наладить связи с кем-то, но ее совершенно не интересовали жуки, какими бы микроскопически красивыми они ни были. Сомневаясь, что они с мистером Рамасвами когда-либо найдут общие темы для разговоров, Эви чувствовала облегчение, но еще и странную досаду, возвращаясь в одиночестве на верхний этаж магазина.

Глава девятая

Правило № 2

Покупатель всегда, без исключения, прав.

Вивьен какое-то время наблюдала за женщиной средних лет. Было ясно, что та американка – по маленькой карте «Лондон от А до Я», выглядывающей из роскошной сумочки, отсутствию тренча поверх посаженного по фигуре черного костюма и невероятно длинному зонту, опасно взятому под мышку.

Женщина уже изучила новые книги, выложенные на столах в передней части магазина, и теперь пробиралась вдоль полок. Ее элегантные руки с красными ногтями брали или как-то иначе касались каждой книги без колебаний и, казалось, намерения купить. Ее передвижение между полок казалось столь же бесцельным. Когда новая секция, посвященная классическим писательницам, получила только беглое внимание, Вивьен ощутила укол обиды.

Наконец она приблизилась к женщине.

– Могу я вам помочь?

Женщина держала в руках «Жару дня» Элизабет Боуэн.

– Она вышла в Штатах только в прошлом году – хорошая вообще?

И снова Вивьен показалось, что интерес был не столько в покупке, сколько в какого-то рода слежке.

– Это одна из моих любимых.

– Да, но хорошая ли это книга? – на этот раз женщина говорила с намеком на шутливую улыбку.

Вивьен отработанно растянула губы в терпимости к подобным моментам.

– Что ж, полагаю, это зависит от того, что вы ищете.

– *Этого*, моя дорогая, я в книге не найду.

Теперь взгляд Вивьен зацепился за ряд колец – помолвочное, обручальное, роскошный бриллиант на годовщину – на левой руке женщины, которые резко контрастировали с мрачным черным нарядом и напряженными, несмотря на легкий тон, чертами.

– В следующую среду будет год, – добавила женщина, – как умер мой муж.

Вивьен сбило с толку, как походя женщина поделилась такой интимной и личной информацией, что показалось ей невероятно прямолинейным и безусловно американским.

– Мне жаль.

– Поэтому я и здесь, вообще-то. Чтобы прибрать кое-что. Он занимался книгами, как и вы.

– О, вряд ли как я, уверена. Я всего лишь работаю в магазине.

– Разве вы только что по телефону не назвали себя управляющей?

Вивьен задумалась: неужели женщина все это время подслушивала?

– Это лишь временно.

Женщина печально улыбнулась.

– Разве не все временно?

– Не здесь. Здесь сотню лет ничего не менялось.

– Ах, тогда тут настоящий британский книжный. Мой муж так их любил. Таскал меня по всему Лондону, вынюхивая последние поставки.

– Корпоративный шпион? На этой улице полно таких.

Женщина рассмеялась.

– Не со стороны продаж. Но у семьи... скажем так, *профессиональный* интерес.

– Значит, он был писателем.

– Нет – но вы пишете, не так ли?

Вивьен удивилась.

– С чего вы решили?

– Вы все писали что-то в своем блокнотике. Магазиновая жизнь не может быть настолько интересной.

– Вообще-то, в последнее время у нас тут постоянная суматоха. Я стала управляющей только из-за этого.

– Не принижайте себя, дорогая.

– О, нисколько. Дело не во мне. В *них*. – Вивьен уловила горечь в собственном голосе. – Мужчины во главе, в смысле.

Теперь женщина улыбнулась Вивьен – так сочувственно и широко, что от губ разошлись глубокие морщины – там, куда вскоре наверняка вернется землистость.

– Подозреваю, что им до вас далеко, дорогая.

Сзади раздался кашель, и Вивьен увидела, что у кассы нетерпеливо ожидают две другие американские туристки. Вивьен сразу узнала этих женщин, которых видела накануне, когда они изучали секцию книг по искусству в одинаковых платьях от «Диор». На этот раз они были одеты в гусиную лапку и парчу от «Шанель», с идеально подобранными сумочками и туфлями из темно-коричневой крокодиловой кожи.

Более высокая из двух женщин оперлась о стойку, когда Вивьен зашла за кассу, позволив маленькой дверце яростно качаться за спиной.

– Моя сестра, – громко сказала женщина, кивая на другую, поменьше, – вчера потеряла здесь свои часы.

– Мне ужасно жаль, – спокойно ответила Вивьен. – Боюсь, мы ничего не находили. Но если вы оставите мне адрес, по которому...

– Агнес! – воскликнула женщина, снова указывая на свою сестру. – *Смотри*.

Две женщины устались на узкое запястье Вивьен, которым она опиралась на внутреннюю часть стойки.

– Бог мой, ты воровка.

Вивьен взяла себя в руки и прикусила губу, чтобы не взорваться.

– Боюсь, я не понимаю...

– Где управляющий? – Теперь голос высокой женщины стал достаточно громким, чтобы привлечь внимание других утренних покупателей, которые подняли взгляды от столов, газет и полок, чтобы узнать, в чем дело. Уголкем глаза Вивьен заметила, что женщина в трауре идет вдоль шкафов в ее сторону, явно снова подслушивая.

– Я и есть управляющая.

– Чушь.

– Простите?

– Где главный?

– Прошу прощения, мадам, но главная здесь я.

– Это смешно – извините, – кто-нибудь! – крикнула женщина в сторону задней части магазина, пока сестра стояла рядом, все больше смущаясь.

Вивьен чувствовала на себе глаза всего магазина. Она редко переживала о том, что думают другие. Но случалось и так, что она не могла справиться с чувствами. Вивьен была вынуждена переживать об этих наглых женщинах и о том, что случится следом, лишь из-за

власти, которую они имели в силу своего положения. Болезненное, неотвратимое чувство поселилось в ее животе.

Услышав сердитый женский голос, Грейс была вынуждена выйти из задних кабинетов с пачкой бумаги в руках. Она всегда старалась изо всех сил создать впечатление эффективности. Она давно выучилась тому, что казаться занятой было лучшей защитой от мужчин в магазине.

– Вивьен, все в порядке? – спросила Грейс, кидая ей твердый взгляд, тайно обещающий поддержку.

– Боюсь, сестра этой женщины куда-то подевала свои часы.

– Ничего подобного она не делала! – громко закричала на них американка. – Они на твоём запястье, и ты это знаешь. Продавщица в «Картье», что за чушь!

Вивьен холодно стояла там, отказываясь отводить от женщины взгляд, но ничего не говоря.

– Это был подарок... – начала отвечать Грейс, и Вивьен опустила глаза на туфли, качая головой. – Нет, Вивьен, это смешно, – настояла Грейс. Затем она обернулась к раздраженной покупательнице. – Это *был* подарок. От ее покойного жениха. Лорда Сент-Винсента. Наследника герцогства Сент-Винсент. Сына 7-го герцога Сент-Винсент, своего отца. Из Скиллертон-холла.

Грейс поймала улыбку Вивьен на многочисленные аристократические титулы, которыми Грейс забрасывала решительных сестер. Все прочие покупатели в магазине, включая американку в трауре, теперь слушали открыто и без стеснения.

– Мы хотим поговорить с главным. С мужчиной, – агрессивно повторила женщина.

– Я боюсь, мистер МакДоноу в данный момент занят важным звонком.

Женщина дала знак своей сестре и направилась в сторону заднего кабинета. Через большое окно был виден Алек – удобно устроившийся в крутящемся кресле мистера Даттона и закинувший скрещенные в лодыжках ноги на угол стола. Грейс быстро проследовала за двумя покупательницами, Вивьен досадным шагом прошла за ними.

– Эта женщина украла часы моей сестры, – снова заявила американка, врываясь в кабинет главного управляющего.

Алек прикрыл микрофон трубки ладонью.

– Прошу прощения?

Впервые сотрудницы были благодарны за совершенную неспособность Алека распознать представляющую опасность женщину.

– Часы моей сестры – ее «Картье» – ровно те же, что она потеряла здесь вчера, – на запястье этой девчонки. Я имею в виду, совершенно очевидно, что здесь творится, и, если вы ничего насчет этого не сделаете, мне не останется другого, кроме как вызвать полицию и написать заявление.

Алек посмотрел на Вивьен, которая стояла в холле в нескольких шагах позади Грейс.

– Вивьен.

– Нет.

– Вивьен, пожалуйста. Это будет всем нам на пользу.

Теперь Грейс смотрела на Вивьен и Алека в недоумении, пока Вивьен молча прожигала его взглядом, скрестив руки на груди. Впервые Грейс осталась на обочине молчаливых сигналов Вивьен.

– Вивьен. – Что-то в тоне Алека привлекло внимание Грейс. Что-то, чего она никогда не понимала до этого момента.

Раздраженно вздохнув, Вивьен выступила вперед, сняла часы и протянула их напряженной рукой.

– Видишь, Агнес, – триумфально воскликнула женщина. Но едва она рванулась выхватить часы из руки Вивьен, Алек остановил ее.

– Позвольте мне, – сказал он удивительно мягко и взял часы у Вивьен сам. Он мгновение держал их в ладони левой руки, затем перевернул крышкой вверх и показал обеим женщинам.

Та, что пониже, по имени Агнес, посмотрела на гравировку, затем сделала шаг назад с покрасневшим лицом и потянула сестру за руку, чтобы уйти.

– Полагаю, это все, леди, – твердо сказал Алек, едва скрывая раздражение.

Сестры вместе вылетели из кабинета, а Грейс осталась стоять на пороге, без слов наблюдая, как Алек возвращает часы Вивьен. Она в ярости надела их, затем развернулась на каблучках и тоже ушла.

– Это все, – сказал Алек Грейс в непривычно немногословной манере.

Грейс тоже вышла из кабинета в свою комнатку поменьше. Из окна в магазин она видела, как возвращаются к покупкам посетители. Это не все, подумала она, в полнейшем недоумении. И это определенно был не конец.

Но что, черт возьми, было началом?

Глава десятая

Правило № 28

Отношения между сотрудниками должны всегда оставаться строго профессиональными

Началось все по ошибке.

Через несколько месяцев после начала работы Вивьен в магазине Грэм Кингсли, тогдашний глава Отдела художественной литературы, организовал на втором этаже мероприятие в честь выхода новой книги Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед». Для «Книг Блумсбери» это был большой и неожиданный успех, и они достигли его исключительно благодаря влиянию и связям своего владельца, лорда Баскина.

Ивлин Во вернулся в Лондон осенью 1945 года со службы в Югославии, и Вивьен, мягко говоря, была ошеломлена его появлением в магазине. В попытке расслабиться она выпила бокал шампанского, хоть и была на работе, но вместо того, чтобы раскрепостить, алкоголь только усилил ее робость. Она так и не подошла к мистеру Во, чтобы засыпать его вопросами о последней книге, которую Вивьен прочитала тем летом за день на пляже неподалеку от квартиры бабушки в Гастингсе, а затем разобрала по главам, как конструктор. Вопросами о симметрии сюжета, об идеальном внутреннем названии – *Et in Arcadia Ego*³ – и о том, действовали ли брат с сестрой, Себастьян и Джулия, только относительно друг друга. Вместо этого, пока Во и другие работники общались после мероприятия, Вивьен села на ступеньки Отдела истории с настолько удрученным видом, что Алек подошел и сел рядом на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Право, с тобой все в порядке?

Алек впервые заговорил с ней тогда, хотя они в один день начали работать в «Книгах Блумсбери» тем летом. В кабинете-аквариуме мистера Даттона Алек сразу же показался Вивьен очередным взбирающимся по социальной лестнице привилегированным школьником, притворяющимся мужчиной. К этому моменту все в магазине уже догадались, что он пишет. Это не было необычно для работника книжного магазина – только недавно Нэнси Митфорд написала свой новый роман в отпуске от книжного «Хейвуд Хилл» в Мейфере.

Но Алек свои литературные стремления рассматривал как еще одну ступеньку на лестнице к успеху и пользовался работой, чтобы завести связи с высокопоставленными редакторами, издателями и авторами, которые посещали мероприятия вроде сегодняшнего. Грэм Кингсли намекал на пенсию, и Алека считали первым в очереди на позицию главы Художественной литературы, несмотря на то что работал он столько же, сколько и Вивьен. Правила магазина четко отмечали, что у главы каждого отдела было последнее слово в принятии решений относительно гостей и особых мероприятий, что позволило бы Алеку расширить связи, тогда как место Вивьен было бы определено за кассой – красиво стоять и смотреть.

Сегодня то, что Алек покинул настолько важное собрание, чтобы спросить о ее состоянии, произвело на Вивьен неожиданный эффект. Может, дело было в шампанском, или в близости литературной знаменитости, или в ее собственных писательских надеждах, но в этот момент, когда голубые глаза Алека загорелись страстью, Вивьен увидела его в другом свете.

³ И в Аркадии я (лат.).

Позитивно. Даже, к ее дальнейшему сожалению, без стеснения. Она задумалась, неужели он все это время желал ее? Будучи красивой женщиной, однажды искренне и жарко любимой, Вивьен испытывала слабость к желанию – слабость, которую только усилило разочарование в себе тем вечером.

Алек предложил вызвать ей такси. Их глаза встретились, когда он, стоя на тротуаре, осторожно помогал ей сесть в машину. Алек в нерешительности отвернулся, кинул взгляд на окна второго этажа магазина, затем снова взглянул на нее. Неожиданно и без слов он забрался на заднее сиденье кеба и взял ее руку – так ласково, что она по глупости ослабила бдительность против новых отношений.

Вивьен потеряла своего жениха, покойного наследника герцогства Сент-Винсент, в 1942 году. Наземное сражение в Газале с 50-й (Нортумбрийской) пехотной дивизией – его тело так и не было найдено. Это придало потере уникальное эмоциональное измерение, которое потрясло Вивьен больше, чем она осознавала. Ей было в то время всего двадцать два, а они с Дэвидом потратили всю свою помолвку на то, чтобы разобраться с расстройством его семьи из-за нее. С момента его преждевременной смерти Вивьен посвятила себя тому, чтобы испытывать как можно меньше чувств и как можно больше злости. Ее ненависть к Гитлеру и войне однажды достигла такой точки кипения, что окружающие боялись, что она никогда не оправится.

Все, что осталось Вивьен на память от Дэвида, – запечатанное в сейфе кольцо с бриллиантом, часы «Картье» и память о единственной ночи в увольнении в довольно сомнительном отеле у моря. Эта ночь в январе 1942-го была в каком-то смысле непримечательной, оказавшись для обоих первым разом. Она, однако, подарила Вивьен вкус к интимности, к тому, как физическая уязвимость может привязать тебя к кому-то самым сладким и тайным образом. Она никогда не понимала и не одобряла адюльтер, но та ночь секса показала начинающей писательнице, что любовь здесь может играть последнюю из ролей. Скрытая природа этого опыта, повышенное ощущение запретности – и наслаждения ей – могли на самом деле привлекать определенного рода людей.

Через несколько часов после литературного мероприятия Во Вивьен и Алек поняли, что они были определенного рода людьми. Вместо того чтобы сблизить их, это осознание похожежности разделило их. Если Вивьен вспоминала их занятие любовью, она заливалась краской. Поэтому не вспоминала. Вместо этого она помнила, как Алек, едва проснувшись, сделал вид, будто она сотворила что-то неправильное или принудила к этому его. Их рабочие отношения никогда не восстановились. Вивьен назвала его Тираном и отрезала волосы, а Грейс – единственная замужняя сотрудница магазина – стала их медиатором, тогда как нужен был на самом деле трибунал, раз и навсегда.

Той ночи будто никогда и не было. Никто в магазине о ней и не подозревал, – наоборот. Вивьен и Алек оба негласно – и яростно – решили так все и оставить.

Алек проснулся первым и лежал рядом с Вивьен, изучая, как ее длинные волосы волнами спадают на плечи. Волосы, которым он позволял касаться и падать на свою грудь, когда они занимались любовью, которые с силой хватал руками и губами, будто хватал воздух, не зная, что через час она все их отхватит в жесте, в котором он мог предположить только полное отречение от его желания к ней.

После того как они упали в объятия друг друга, Алек погрузился в на удивление спокойный сон. Он был благодарен за то, что Вивьен дремала рядом с ним, потому что это дало ему время поразмышлять. Но потратил он это время на размышления о ней. Он восхищался ее красотой и покоем, тем, какой спокойной она казалась во сне, тогда как в бодрствовании ее черты редко выражали что-то кроме отвращения ко всему окружающему.

Алек позволил взгляду перейти от волос Вивьен к ее обнаженному правому плечу и открытой спине, у которых в мягком утреннем свете был прелестнейший молочный оттенок.

Обнаружив, что пялится на ее кожу, он заставил себя моргнуть и отвернуться лицом к стене с отклеивающимися обоями в выцветший бело-синий дамасский узор. Массивный комод с большим зеркалом для макияжа, устроившимся на его крышке, занимал все пространство стены. Вокруг зеркала беспорядочно стояли многочисленные флакончики духов, разного размера кисточки и несколько маленьких баночек. Этим ассортиментом инструментов Вивьен красила свои темные миндалевидные глаза – глаза, настолько жестоко оценивающие и ошеломляющие, что до вчерашней ночи Алек из всех сил старался не глядеть в них прямо. Лежа тем утром в ее постели, он теперь полностью понимал мудрость своего прежнего поведения.

Спрятав правую сторону лица в подушке от замешательства и расстройства, Алек позволил одному открытому глазу шарить по башне книг на прикроватном столике Вивьен. В стопке было несколько наименований, которые Алек узнал по их диспутам о закупках в магазине: иностранное издание «Колодца одиночества» Рэдклифф Холл, давно запрещенного в Англии, «Смерть сердца» Элизабет Боуэн и «Путешественника во времени» Элисон Аттли – книгу для девочек, и потому ее присутствие было одновременно удивительно и странно умирительно. Он не был знаком с «О приюте» Анны Каван, но читал ее недавний рассказ «Я – Лазарь» в последнем выпуске своего любимого литературного журнала «Горизонт». Каван в своем творчестве много позаимствовала из собственного опыта работы с искалеченными солдатами в психиатрических отделениях и выказывала абсурдность и отсутствие интереса в удовлетворении читателя, которые Алеку казались откровенно маскулинными. Заинтригованный, он попытался аккуратно вытянуть книгу из-под лежащих сверху часов «Картье».

Они соскользнули слишком быстро, и Алеку пришлось вытянуть руку, чтобы поймать их в полете. Он всегда удивлялся, что такая девушка, как Вивьен, носила подобные часы. Он немного знал о ее происхождении из ниже-среднего класса и о том, что отец занимался какого-то рода торговлей. Отец Алека был рентгенологом и с легкостью мог бы подарить ему на двадцать первый день рождения «Картье» в довесок к обучению в школе-интернате и году за границей перед войной, не будь семья так верна «Патек Филипп».

Часы Вивьен были инкрустированы бриллиантами по ободку прямоугольного циферблата, сделанного из 18-каратного золота. Это была недавняя модель французского дома драгоценностей и потому вряд ли досталась по наследству. Алек узнал ее, потому что всегда уделял много внимания стилю. Он знал, что внешний вид влияет на жизнь – как человек одевается, как выглядит, как выражает успех. Поэтому он носил идеально подогнанные по фигуре белые рубашки и пиджаки от «Гивза и Хоукса» с Савиль-Роу, 1, и идеально начищенные и отполированные броги из «Ботинок Баркера» на Джермин-стрит, магазинов, которые давно посещали его отец, дед и прадед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.